Свящ. В. Сокольскій.

20, 3, 54.

ИЗЛОЖЕНІЕ И РАЗБОРЪ УЧЕНІЯ СОЦІАЛИЗМА.

(КОНСПЕКТЪ ДЛЯ ЗАНЯТІЙ ПО ОБЛИЧЕНІЮ СОЦІАЛИЗМА. ПРИМѢНИТЕЛЬНО КЪ ПРОГРАММѢ ПРЕПОДАВАНІЯ ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ).

Отдѣльные оттиски изъ №№ 15—24 Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Оглавленіе.

	Страница.
1. Понятіе о саціализмѣ	3— 5
2. Различныя направленія въ соціализмѣ .	5— 7
3. Направленія соціализма, заслуживающія наибольшаго вниманія . . .	7— 8
4. „Христіанскій соціализмъ“ и его критика.	8—16
5. Современный или „научный соціализмъ“.	16—27
6. Отношеніе соціализма къ религіи . .	27—33
7. Критика экономическаго ученія соціализма	33—42
8. Критика соціалистическихъ государствъ.	42—48
9. Критика нравственныхъ принциповъ соціализма	48—52
Заключеніе	52—58

Изложеніе и разборъ ученія соціализма.

1. *Понятіе о соціализмѣ.* По общепринятому словоупотребленію, соціализмомъ называется политико-экономическое ученіе, проповѣдующее общность труда, уничтоженіе личныхъ преимуществъ и соотвѣтственное распредѣленіе продуктовъ между трудящимися. Съ точки зрѣнія науки, соціализмъ есть совокупность мѣръ, посредствомъ которыхъ общественная власть старается уничтожить неравенство и произвести для всѣхъ справедливое распредѣленіе благъ, не смотря на такъ называемые экономическіе законы и обратныя требованія индивидуальной свободы. Средствомъ къ достиженію соціализма является замѣна частной собственности на средства производства соціализаціею. Отсюда, и самъ соціализмъ опредѣляется, какъ ученіе, требующее замѣны частной собственности на средства производства соціализаціею, или обобществленіемъ производительныхъ силъ.

Изъ опредѣленія соціализма видно, что онъ представляетъ изъ себя попытку создать человѣческое счастье и устроить человѣческую жизнь исключительно человѣческими силами... внѣ Бога, внѣ Христа и Его законовъ. По ученію соціализма, единственное истинное счастье человѣка заключается въ соціализаціи средствъ производства, чѣмъ достигается «земной рай» человѣка. Нѣтъ ни Бога, ни безсмертія. «Великій соціальный переворотъ, по Бебелю, отличается отъ всѣхъ ему предшествующихъ тѣмъ, что онъ не ищетъ новыхъ религіозныхъ формъ, но отрицаетъ религію вообще». «Понятіе Бога, говоритъ Марксъ, необходимо должно быть искоренено, ибо оно есть основной камень извращенной цивилизаціи». Соціализмъ совершенно отвергаетъ «потусторонній» міръ и отъ извѣстнаго строя «посюсторонняго» міра и матеріальной жизни человѣка ставитъ въ зависимость всю его

духовную жизнь. Его цѣль: «въ области политики—республика, въ хозяйственной сферѣ—коммунизмъ, въ религіозной—атеизмъ» (отвѣтъ Бебеля германскому рейхстагу). «Превращеніе человѣка въ рабочій скотъ, принадлежащій фантастическому существу, именуемому обществомъ—таково послѣднее слово соціализма». (Чичеринъ). Для него существуетъ только земля и на землѣ—матеріальное благополучіе.

Нельзя, значитъ, разумѣть подъ соціализмомъ явленіе и ученіе только экономико-политическое, что усердно поддерживается соціалистами и у насъ и на западѣ по «тактическимъ соображеніямъ», необходимо мыслить соціализмъ, какъ онъ исторически и теоретически выработался въ опредѣленное міровоззрѣніе, принципіально, по существу своему, какъ явленіе противное рѣшительно всѣмъ неизмѣннымъ началамъ религіи и морали.

«Составляетъ-ли соціализмъ одну лишь экономическую теорію, читаемъ въ соціалистическомъ катихизисѣ Бакса и Кельча (М. 1906 г. 11 стр.); ни въ какомъ случаѣ! Соціализмъ охватываетъ всѣ отношенія человѣческой жизни. Установленіе его подразумѣваетъ полное измѣненіе въ обществѣ и во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ». Такъ что въ настоящее время соціализмъ—совершено опредѣлившееся ученіе, въ основѣ своей атеистическое, покоящееся на полномъ и открытомъ матеріализмѣ, имѣющее цѣлью своею ниспровергнуть существующій строй общества и государства. Это—цѣлое міровоззрѣніе, въ корнѣ котораго лежитъ ложная идея, что *природа человѣческая можетъ быть преобразована властью государства.*

Соціалисты требуютъ добровольнаго вмѣшательства государства для уничтоженія кричащихъ злоупотребленій, безчеловѣчной эксплуатаціи, вмѣшательства, при томъ, не въ видѣ исключенія, а въ правильной, совершенной и постоянной формѣ. «Земной рай», по ихъ мнѣнію, можетъ осуществиться въ томъ случаѣ, если частная собственность будетъ преобразована въ коллективную, уничтожится конкуренція, будетъ упорядочено производство, имущество распредѣлено въ пользу общинъ—все это сдѣлаетъ всѣхъ людей равными и счастливыми... безъ Бога

и вмѣшательства Божественнаго Промысла. Въ этомъ и состоитъ соціализмъ.

2. *Различныя направленія въ соціализмѣ.* Мы видѣли, что конечная цѣль соціализма—добиться такого устройства, при которомъ всѣ другія производства будутъ принадлежать не частнымъ собственникамъ, а всему обществу въ цѣломъ. Тогда—немыслимы ни предприниматели—хозяева, ни наемники—рабочіе,—всѣ явятся лишь равными въ своихъ правахъ и обязанностяхъ труженниками. Не станетъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ: всѣ имѣютъ одинаковое право удовлетворять свои потребности изъ общественнаго достоянія, почему призываются къ совмѣстному производству и совмѣстному потребленію, т. е. пользованію и распредѣленію продуктовъ,—этого добиваются одинаково всѣ соціалистическія партіи. Различаются-же онѣ другъ отъ друга въ зависимости отъ того, какіе способы достиженія общей для соціализма цѣли признаетъ наилучшими та или другая фракція. Есть соціализмъ: нейтральный, умѣренный, радикальный, утопическій, практическій, теоретическій, этическій и правовой, а есть соціализмъ боевой, насильническій; къ нему принадлежатъ: соціалъ-демократы, соціалъ-революціонеры, соціалисты-анархисты, соціалисты-коммунисты, соціалисты-утописты. Есть соціализмъ аграрный и есть, такъ называемый, «христіанскій соціализмъ».

Послѣдній ставитъ себя подъ защиту Христа и, злоупотребляя Его именемъ, проповѣдуетъ насильственное уничтоженіе частной собственности съ вышеуказанной цѣлью.

Въ программу аграрнаго соціализма входитъ аграрная пропаганда среди крестьянъ. Періодъ этой пропаганды въ Германіи пріурочивается къ 1868—1877 гг., у насъ въ Россіи къ послѣднему десятилѣтію прошлаго столѣтія и, особенно къ началу нынѣшняго—1904, 1905, 1906 г.г. Характерна подробность, что у насъ аграрная пропаганда имѣла меньше успѣха, чѣмъ на Западѣ, не смотря на благопріятную для пропаганды почву. У народа одно желаніе—землицы бы побольше. Но, если и говорится иногда, что земля «Божья» и потому какъ будто принадлежитъ всѣмъ, то значеніе данной фразы почти всегда чи-

сто платоническое. Кто теперь не знаетъ, что въ аграрные безпорядки крестьяне увлекаются низкимъ обманомъ? Напр.—подложными «Золотыми грамотами», гдѣ Царь приказалъ—де отдать имъ помѣщичьи земли, а чиновники тѣ грамоты спрятали.

Въ противовѣсъ аграрному—насильническій соціализмъ думаетъ, что обезземеленья крестьянъ бояться нечего. Напротивъ «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»: надо желать, чтобы это случилось и чѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣрнѣе, такъ какъ «рожденіе соціализма, какъ всякое рожденіе, должно сопровождаться родовыми муками».

Для облегченія этихъ «родовыхъ мукъ» одни проповѣдуютъ возстаніе и заговоры, думая ужаснуть міръ преступленіями безъ плана и безъ цѣли, т. е. соціалъ-революціонеры; другіе—соціалъ-демократы—искреннѣе, наоборотъ, убѣждены, что если у нихъ есть «оружіе въ билетикѣ голосованія, то нѣтъ никакой нужды въ революціи съ вилами».

Они (с.—д.) въ свою очередь раздѣляются на лассалистовъ и марксистовъ, по имени своихъ вождей.

Лассаль отдаетъ свое преимущество *государству*, отчего его соціализмъ носитъ названіе Лассалевскаго или государственнаго соціализма; Марксъ проповѣдуетъ (съ 1848 г.) всемірную республику—Интернаціоналъ, почему Марксовскій соціализмъ носитъ названіе коллективнаго или научнаго соціализма, какъ ученія, основаннаго якобы на данныхъ науки. Главное отличіе Маркса отъ Лассаля состоитъ въ томъ, что послѣдній вѣруетъ въ государство и обращается къ нему съ призывомъ, а первый полагаетъ, что соціалистическое общество можетъ обойтись безъ государства, но какимъ образомъ—не говоритъ. Марксъ, какъ теоретикъ, выше Лассаля. Его соціализмъ федеративный, интернаціональный; онъ имѣетъ въ виду всеобщее уничтоженіе собственности, Лассаль же думаетъ о національномъ соціализмѣ, утверждая, что имперская монархія въ объединенной Германіи, если приметъ направленіе въ пользу самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса, будетъ болѣе полезна для народнаго дѣла, чѣмъ федеративная республика.

Въ виду такого разнообразія направленій въ соціализмѣ, намъ нѣтъ нужды останавливаться на всѣхъ его фракціяхъ, необходимо лишь указать наиболѣе опасныя отрасли соціализма.

3. *Наибольшаго вниманія заслуживаютъ* «христіанскій соціализмъ» и соціализмъ Марксовскій, иначе называемый соціалъ-демократіей.

По мнѣнію *христіанскихъ соціалистовъ*, вполнѣ возможно силою религіозной ревности, реформой воспитанія, многочисленной организаціей мелкихъ приходовъ, достичь если не замѣны (а м. б. и уничтоженія) соціалъ-демократіи, то убѣжденія рабочихъ въ возможности быть вмѣстѣ и христіаниномъ и соціалистомъ. Нужно только изъять изъ доктрины соціализма ея матеріалистическую сердцевину, и тогда будетъ достигнута полная побѣда истинной науки надъ ложной. Едва-ли нужно говорить, что христіанскій соціализмъ, какъ ведущій свое дѣло подъ знаменемъ и во имя Христа, съ цѣлью уловленія христіанъ, является для пастыря церкви самой любопытной и самой интересной отраслью соціализма, съ которой необходимо подробное ознакомленіе. Изъ всѣхъ направленій въ соціализмѣ—эта отрасль, выдвинутая на смѣну матеріализму—какъ мы увидимъ—и самая лживая, и самая зловредная, такъ какъ она освящаетъ соціальную революцію именемъ Христа Спасителя.

По своему *научному обоснованію* заслуживаетъ наибольшаго вниманія соціализмъ Марксовскій. Среди адресовъ, посланныхъ за неимѣніемъ делегатовъ на Эрфуртскій конгрессъ (1891 г.) иностранными соціалистами, находится такое выраженіе: «мы видимъ въ нѣмецкой соціалъ-демократіи авангардъ интернаціональнаго соціализма» (адресъ испанскихъ с-д). Національный совѣтъ рабочихъ французской партіи рѣшительно заявляетъ въ своемъ адресѣ: «вы намъ дали Маркса и Энгельса, этихъ двухъ великихъ теоретиковъ научнаго соціализма». Слѣдов., вожди соціализма сами прекрасно понимаютъ, что такъ называемая соціалъ-демократія является самой боевой, мощной и самой опасной отраслью соціализма. Нѣмецкіе соціалисты, по Бебелю,—піонеры, распространяюще соціалистическую мысль между націями. Они предлгаютъ

за образецъ свою организацію, свое ученіе, тактику и пропаганду.

4. *Такъ называемый «христіанскій соціализмъ»*. Свое названіе христіанскій соціализмъ оффиціально принялъ въ декабрѣ 1849 года. Терминъ этотъ соціалистами употребляется сознательно и намѣренно по излюбленнымъ «тактическимъ» соображеніямъ. Вожаки соціализма религіознымъ соціализмъ никогда не признаютъ. По мнѣнію Бебеля—«христіанство и соціализмъ относятся другъ къ другу, какъ огонь и вода». Однако, массѣ народной, какъ имѣющей твердые религіозные устои, временно, до вытравленія религіознаго чувства, позволяется быть религіозной и именовать себя «христіанскими соціалистами». Еще въ 1835 г. Францъ Баадеръ *желалъ* сдѣлать *священника* уполномоченнымъ представителемъ соціалистическихъ рабочихъ, а Фердинадъ Лассаль—этотъ «апостолъ соціализма»—уже *хвалился* содѣйствіемъ *епископа* Кеттлера.

Такъ называемые «христіанскіе соціалисты» указываютъ между христіанствомъ и соціализмомъ много общихъ «точекъ», различающихся по стольку, поскольку могутъ быть различны ихъ конечныя цѣли, потому что христіанство стремится къ небу путемъ аскетизма, а соціализмъ ищетъ земли ради наслажденія; но какъ первое, такъ и второе-берутъ въ свои руки дѣло бѣдныхъ и угнетенныхъ. Евангеліе—«евангеліе бѣдныхъ»: оно отдаетъ преимущество бѣдному предъ богатымъ. Если церковь и не признаетъ за бѣдняками права на помощь, то за то внушаетъ богатымъ прямую обязанность приходить къ нимъ на помощь. Она не имѣетъ никакого существеннаго ученія о правѣ собственности; ея учителя не одобряютъ денежнаго интереса: «давайте взаймы, говоритъ св. Павелъ, ничего не требуя». Церковь организовала въ своемъ лонѣ коммунизмъ, стараясь такимъ путемъ уничтожить у своихъ послѣдователей два великихъ источника эгоизма: собственность и семью. Подобно соціализму церковь не придаетъ (?!) никакого значенія ни уму, ни таланту, ни красотѣ, ни оригинальности, словомъ, никакому личному дарованію: индивидуализмъ для нея синонимъ эгоизма. Разрѣшеніе всѣхъ соціальныхъ проблемъ

заключается въ переустройствѣ жизни на основахъ древне-христіанскаго коммунизма. Таково краткое изложеніе ученія христіанскихъ соціалистовъ.

И такъ какъ соціализмъ, по существу своему, враждебно противоположенъ всякой религіи, а тѣмъ болѣе христіанству, то трудно представить себѣ болѣе противоестественное сочетаніе понятій, какое заключается въ терминѣ-„христіанскій соціализмъ“.—Утверждаютъ, что онъ преслѣдуетъ тѣ же цѣли и задачи, что и христіанство; въ дѣйствительности же, наоборотъ, онъ преслѣдуетъ тѣже цѣли и задачи, что и соціализмъ вообще, т. е. стремится осуществить въ промышленной организаціи общества коммунистическій принципъ. Если въ соціализмѣ и и можно найти положенія, встрѣчающіяся въ христіанствѣ, то надо помнить, что *по природѣ своей* они взаимно исключаютъ другъ друга. Христіанскій соціализмъ тѣмъ только и отличается отъ соціализма вообще, что старается поставить себя подъ защиту Христа.

Соціалистическіе «священники» обращаютъ особенное вниманіе на то, что Христосъ былъ не только провозвѣстникомъ божественной христіанской истины, но и соціальнымъ реформаторомъ, желавшимъ уничтожить различіе между бѣднымп и богатыми. Въ какую пропасть влекутъ себя «эти священники», видно изъ того искренняго убѣжденія христіанскихъ соціалистовъ, по которому *„чѣмъ былъ Іисусъ Христосъ до настоящаго времени, тѣмъ будутъ Бебель и Либкнехтъ въ будущемъ“*. Выходитъ, что христіанство есть воображаемая вѣра. Оно, по воззрѣнію соціализма, произошло въ IV в., когда большинство заставило предпочесть его другимъ религіямъ. Для рабочихъ, которые нисколько не вѣруютъ въ Божественность Христа, Онъ—первый соціалистъ и революціонеръ, пытавшійся, хотя и тщетно, при помощи религіозныхъ средствъ «произвести золотой вѣкъ».

Мы должны безъ всякаго колебанія признать, что на сердцѣ Христа болѣе лежало раскрыть человѣческой душѣ ея отношенія къ Богу, чѣмъ реорганизовать человѣческое общество. «Какая польза человѣку—Его подлинныя слова-,если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? или что человѣкъ дастъ взамѣнъ души своей?»

(Мѳ. 16, 25.) Въ Его намѣренія не входило быть «агитаторомъ-реформаторомъ», наоборотъ, Онъ всегда стоялъ выше соціальныхъ проблемъ. «Человѣкъ, говоритъ Онъ, кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ (Лук. 12, 14)»? Это показываетъ, что Онъ не присвоивалъ себѣ права предпринимать раздѣленіе собственности. Здѣсь Іисусъ Христосъ обращается къ нравственному мотиву, который лежитъ въ основѣ соціальнаго вопроса: «смотрите, берегитесь любостяжанія» (Лук. 12, 15). Ему также несвойственно было измѣнять формы правленія: «воздавайте кесарево кесарю» (Мѳ. 22, 21). Онъ всегда высоко ставитъ *личность*. Пастырь оставляетъ 99 овецъ, чтобы отыскать *одну* заблудшую (Мѳ. 18, 12). Женщина обыскиваетъ весь домъ, чтобы найти *одну* драхму (Лук. 15, 8). Фактъ, что Іисусъ Христосъ прежде всего обращался къ отдѣльной личности, говоритъ за то, что большую часть соціальнаго зла Онъ приписывалъ грѣховности людей, чѣмъ соціальнымъ непорядкамъ. Его жизнь была обращена къ небу; поэтому міръ лежалъ у ногъ Его.

Ложность утвержденія соціалистовъ, что Христосъ былъ революціонеромъ и соціалистомъ, открывается и изъ основныхъ положеній соціалистическаго и христіанскаго ученій. Въ то время, какъ соціализмъ просто *завидуетъ* богатымъ, христіанство *жалѣетъ* ихъ, потому что имъ трудно войти въ царство небесное. Христіанство требуетъ отъ человѣка не того, чтобы онъ отдалъ достаточную часть своей прибыли, а всю прибыль и даже всю жизнь на служеніе царству небесному: проблема экономическаго распредѣленія собственности поднимается здѣсь до высшей проблемы духовнаго возрожденія и готовности къ самоотверженному служенію. Въ то время какъ христіанство расчитываетъ на характеръ, на измѣненіе внутренняго *я* человѣка, чтобы создать наилучшія экономическія условія, соціализмъ думаетъ, что измѣненіе внутренняго *я* человѣка зависитъ отъ экономическихъ отношеній. Христіанство проповѣдуетъ *добровольное отреченіе* отъ имущества съ цѣлью болѣе удобнаго перехода въ потусторонній міръ—царство небесное; соціализмъ требуетъ *насильственнаго отобранія* имущества съ цѣлью устроенія «земного рая» въ посюстороннемъ мірѣ. Хри-

стіанство говоритъ главнымъ образомъ объ *обязанностяхъ*, соціализмъ трактуетъ все время почти исключительно *о правахъ*. Соціализмъ не спускаетъ глазъ съ благъ міра сего, алчетъ и жаждетъ благъ земныхъ, нисколько не заботясь объ исполненіи евангельскихъ заповѣдей, между тѣмъ какъ тайна жизни христіанина есть тайна сострадающей любви, принятіе на себя внутренняго состоянія ближняго, братство, содружество съ нимъ, горячая любовь къ нему (Мѳ. 7, 9—11; 12, 35; Лук. 13, 6; 19, 9). Отсюда въ соціализмѣ личность поглощается обществомъ: это есть его центральная идея; въ христіанствѣ каждая отдѣльная личность драгоцѣнна предъ Богомъ, вмѣняется въ священную обязанность служить тѣмъ даромъ, какой кто получилъ (1 Петр. 4, 10; ср. 1 Коре., 7, 7; Рим. 12, 6- 8). Соціализмъ, наконецъ, желаетъ объединить человѣчество не на основѣ любви, а на началахъ экономическихъ, прельщая людей мечтой, что принудительно можно совершенно уничтожить среди нихъ всякое неравенство. Ясно, что соціализмъ беретъ слѣдствіе безъ причины, отчего и происходитъ видимое сходство, но глубокое внутреннее различіе, контрастъ духа и чувства.

Изъ приведенной паралелли ученій открывается полная противоположность между христіанствомъ и соціализмомъ, какъ ученіемъ матеріалистическимъ и атеистическимъ: здѣшній міръ-всё, и нѣтъ ничего кромѣ земли; земля и небо *не будутъ едино*, какъ утверждаетъ христіанство, а *суть едино*. Въ самомъ дѣлѣ, вожди соціализма говорятъ какъ бы такъ: «вы слышали, что было сказано древнимъ: «Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ иніи бози (а потому)... ...не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не желай дома ближняго твоего, ни села его... Мы же говоримъ вамъ, новой расѣ: желай дома ближняго твоего и села его (это твое право!), экспропріируй, т. е. по просту кради, потому что, если собственность есть кража, то кража кражи есть хорошее дѣло, какъ уничтоженіе зла... Все Десятословіе перелагается съ соціалистической точки зрѣнія, какъ бы въ иной формѣ: отрицательныя заповѣди въ соціалистическомъ кодексѣ превращаются въ положительныя и потому по

естественной связи—первая заповѣдь также въ отрицательную: желай, потому что положеніе: «Азъ есмь»—есть лишь печальный предразсудокъ.... «Нагорная проповѣдь», по признанію соціализма, есть не что иное, какъ разсужденіе на политико-экономическую тему. При такомъ толкованіи является возможность издать Новый Завѣтъ, какъ соціалистическій трактатъ: Іисусъ... вогналъ... свиней въ море—Онъ хотѣлъ засвидѣтельствовать о своемъ безразличномъ отношеніи къ частной собственности; Онъ насытилъ пять тысячъ—значитъ, хотѣлъ показать, что экономическія проблемы имѣютъ преимущество предъ духовными вопросами; Онъ выгналъ торгующихъ изъ храма—далъ открытое свидѣтельство противъ капитализма. Тогда какъ Христосъ ясно училъ: продавайте имѣнія и давайте милостыню (Лук. 12, 33). Продажа предполагаетъ собственность; милостыня же вовсе не коммунизмъ, а добровольная передача своей собственности другому тоже въ собственность, и при томъ одному больше, другому меньше, смотря по расположенію дающаго (Мѳ. 20, 2—16). Сказалъ далѣе, „если хочешь быть совершеннымъ“.... продай и раздай (Мѳ. 19, 21).—*Если хочешь*, а развѣ у соціалистовъ есть—„если хочешь“?

Нерѣдко, наконецъ, христіанскіе соціалисты указываютъ на жизнь первыхъ христіанъ, гдѣ существовалъ будто-бы имущественный коммунизмъ. Но эти общины были религіозно-нравственныя, а не экономическія: коммунизмъ (притомъ—потребленія, а не производства) былъ добровольный, практиковался лишь въ Іерусалимской церкви, да и здѣсь были собственники (Дѣян. 12, 12; ср. 5, 4). При томъ же этотъ «коммунизмъ» явленіе временное, случайное, вызванное исключительными причинами. Другія общины, основанныя апостолами, такого опыта не дѣлали, а давали каждый по достатку своему (Дѣян. 11, 29—30), сколько позволитъ ему состояніе (1 Корѳ. 16, 1—3; ср. 2 Кор. 8 и 9 гл).

Истинно-разумѣющіе евангеліе, т. е. въ святоотеческомъ его толкованіи, никогда не находили и не найдутъ въ немъ соціалистическаго ученія, почему всѣ попытки создать систему христіанскаго соціализма—неудачны.—Такъ, во Франціи горячимъ энтузіастомъ и проповѣдни-

комъ соціалистическихъ принциповъ былъ аббатъ Ламенэ, рѣшительный противникъ соціализма. Идея Ламенэ приблизить христіанство къ разрѣшенію соціальныхъ проблемъ жизни была какъ бы зерномъ, изъ котораго зародились потомъ различные соціалистическіе планы и стремленія. Однако, это движеніе успѣха не имѣло.— Въ Германіи съ проповѣдью идей христіанскаго соціализма выступилъ епископъ Кеттлеръ. Одновременно съ нимъ—Губеръ. Въ 1878 г. придворный проповѣдникъ Берлина—Штеккеръ основалъ «христіанско-соціалистическую партію рабочихъ». Дѣятельность указанныхъ лицъ успѣха также не имѣла. Въ 1890 г. Штеккеръ принужденъ былъ оставить мѣсто придворнаго проповѣдника. Онъ не создалъ опредѣленной индустріальной программы и находился между двумя огнями-недовѣріемъ правительства и *нескрываемымъ презрѣніемъ соціалъ-демократіи*. Пасторъ Тодтъ принимаетъ экономическую программу соціалистовъ, но пытается обосновать ее съ точки зрѣнія христіанства. Онъ утверждаетъ, что «ученіе Новаго Завѣта» таково, что изъ него мы можемъ почерпать о задачѣ государства, и рекомендуетъ тѣмъ, кто желаетъ ближе ознакомиться съ соціальнымъ вопросомъ и содѣйствовать его разрѣшенію, имѣть «въ правой рукѣ— политическую экономію, въ лѣвой—научную литературу соціалистовъ, а предъ собою—раскрытымъ Новый Завѣтъ». Противъ атеистическаго соціализма нѣмецкіе христіанскіе соціалисты думали, такимъ образомъ, организовать соціализмъ *христіанскій*: всякій христіанинъ долженъ быть соціалистомъ, но не соціал-демократомъ.—Звеномъ, связующимъ христіанско-соціалистическое движеніе Германіи съ таковымъ-же въ Англіи, является Викторъ Губеръ, который былъ знакомъ съ произведеніями «великобританца Мориса» и находился въ личной перепискѣ съ Кеттлеромъ, выражая ему симпатію по поводу движенія. Губеръ предполагалъ основать «союзъ христіанскаго порядка и свободы», но опять таки... неуспѣшно. Въ 1851 г. онъ покинулъ Берлинъ и въ теченіи 18 лѣтъ уединенно жилъ въ Гарцѣ. Всетаки, онъ первый во имя христіанской религіи выставилъ опредѣленную соціальную программу.—Въ Англіи, проф. Морисъ, адвокатъ Людловъ и проф. Кингслей, образованнѣйшіе люди своего

времени, стремились обосновать ученіемъ христіанства соціалистическій принципъ ассоціацій и благодаря своему выдающемуся положенію—Кингслей былъ духовникомъ королевы—временно получили значеніе видной политической партіи, добившись того, что законопроэктъ Людлова о легализаціи рабочихъ союзовъ былъ принятъ англійскимъ парламентомъ... Но... вскорѣ суровыя условія экономической жизни безпощадно разбили всѣ ихъ соціалистическіе планы. У насъ, въ Россіи, христіанскій соціализмъ достигъ наивысшаго развитія въ 1906 г., когда былъ созванъ учредительный съѣздъ „христіанскаго братства борьбы". Основная цѣль союза—организація трудящихся массъ для широкой культурной борьбы за осуществленіе «христіанскаго соціализма на землѣ». Идеалъ братства—анархическій соціализмъ на религіозномъ основаніи. На практикѣ дѣятельность христіанскихъ соціалистовъ выразилась въ изданіи брошюръ, гдѣ, между прочимъ, войска приглашаются не выходить на усмиреніе бунтовъ, при чемъ имъ объясняютъ, что «стрѣляя въ голодныхъ и обиженныхъ людей они стрѣляютъ въ Христа»; къ забастовщикамъ обращаются въ томъ же духѣ: они борются-де «во имя Христа, совершаютъ святой подвигъ, мученически должны идти на защиту опозореннаго Христа»! Словомъ во всѣхъ странахъ безъ исключенія—въ Германіи и Англіи, Бельгіи и Голландіи, Австріи и Италіи, Франціи и Россіи—христіанскій соціализмъ, начавшійся, повидимому, съ соблюденія вѣро-и-нравоученія христіанскаго, въ послѣдующихъ стадіяхъ своего развитія и въ новѣйшихъ фракціяхъ, все болѣе и болѣе, отклоняясь отъ христіанства, приближается къ соціализму: элементъ экономическій беретъ перевѣсъ надъ нравственнымъ. Не христіанство, такимъ образомъ, доминируетъ надъ соціализмомъ, возвышая до себя экономико-атеистическую теорію, всецѣло покоющуюся на ученіи матеріализма, а соціализмъ, доминируетъ надъ ученіемъ христіанства; послѣднее, сливаясь съ нимъ, теряетъ въ немъ свой возвышенный универсальный характеръ, обращаясь лишь въ орудіе экономической жизни. «Нельзя работать Богу и мамонѣ», почему между тѣмъ и другимъ ученіемъ *не можетъ быть никакого сближенія*: насилію христіанство противополагаетъ свободу и наси-

ліемъ дѣйствуетъ только тотъ, кто не вѣруетъ въ силу своей правоты, кто чувствуетъ тайно, что онъ въ существѣ своего дѣла не правъ. Христіанскіе соціалисты любятъ приравнивать себя къ первымъ христіанамъ. Пустьже вспомнятъ они, какъ поступили тѣ даже во время гоненій!

Всѣ попытки систематизировать христіанскій соціализмъ приводятъ обыкновенно или къ полному отдѣленію вѣрующихъ христіанъ отъ соціализма, какъ ученія нечистаго, или же христіане перестаютъ быть сами собой и, ассимилируясь съ соціалистами, окончательно теряютъ вѣру въ Бога и Христа Спасителя. Замѣчательно, что всѣ попытки христіанскихъ соціалистовъ пріурочиваются къ революціоннымъ эпохамъ; на западѣ—1789 г., 1830, 1848, а у насъ—1905—6 г.г. Въ Россіи «христіанскій соціализмъ» принялъ настолько яркую революціонную окраску, что сами дѣятели сознали несовмѣстимость ученія христіанства съ ученіемъ соціализма, признавши первое лишь самымъ удобнымъ орудіемъ къ пропагандѣ соціальной революціи.

«Сознательные» соціалисты не идутъ въ объятія христіанскаго соціализма-явный и вѣрный знакъ того, что между соціализмомъ и христіанствомъ „велика пропасть утвердися“. Тѣ же, кто *теперь* твердятъ о возможности «христіанскаго соціализма», дѣлаютъ это или по недомыслію, не изучивши ни христіанства, ни соціализма, или же, всего вѣрнѣе, по лицемѣрію, такъ какъ здѣсь убѣжденія соціалистовъ сталкиваются съ ихъ партійными «тактическими» соображеніями. Методъ соціалистовъ—это вести тихо свои подкопы, а не стараться насильственно все низринуть. Для пріобрѣтенія подъ собой почвы ими рекомендуется тактика добрая, благоразумная, умѣренная, располагающая къ себѣ. «Уклониться отъ тактики, указанной комитетъ-правленіемъ, по словамъ Бебеля, болѣе важный проступокъ, чѣмъ удалиться отъ программы». О сущности-же соціализма Бебель «совѣтуетъ не слишкомъ много болтать, чтобы не обезпокоить Филистимлянина». На языкѣ нравственности такое поведеніе означаетъ предательство, измѣну вѣчной истинѣ, на языкѣ соціализма это называется „случайною уступкою въ

программѣ ради выигрыша въ тактикѣ“ и есть не что иное, какъ «исполненіе предсказаній политической мудрости».

5. Такъ называемый «современный» или «*научный соціализмъ*» Маркса, иначе именуемый просто *соціалъ-демократіей.*

Первый двигатель соціализма вѣченъ: это— антагонизмъ богатаго и бѣднаго. Въ древнее время видимъ войны рабовъ; въ средніе вѣка—жакеріи (бунты крестьянъ); въ наше время—бунты рабочихъ. Французская революція была пропитана соціализмомъ, когда думали, захвативши на нѣкоторое время власть террора, примѣнить соціалистическій принципъ во всей строгости: «передѣлать» человѣка и общество по новому типу—сдѣлать государство господиномъ въ распредѣленіи имуществъ и жизненныхъ благъ его. Но уже отмѣчено, что мы будемъ очень близки къ осуществленію мечты соціализма... подъ тѣмъ условіемъ, конечно, что удастся изобрѣсти какую-нибудь духовную химію, способствующую измѣнять нравственную природу человѣка такъ же глубоко, какъ химія измѣняетъ природу матеріальную.

Въ то время, какъ промышленность носила характеръ домашняго устройства, когда все дѣлалось руками въ мелкихъ и разбросанныхъ мастерскихъ, когда рабочій былъ хозяиномъ орудій и произведеній своего труда, народиться соціалъ-демократія не могла. Съ появленіемъ же крупной промышленности, съ ея паровыми двигателями, огромными капиталами, положеніе дѣла рѣзко измѣнилось и «армія пролетаріевъ объявила войну труда съ капиталомъ». Въ этой борьбѣ капиталистическій строй долженъ былъ уступить мѣсто соціалистическому. По мнѣнію рабочихъ соціалъ-демократовъ, современныя изобрѣтенія доставляютъ большіе доходы, барыши такіе, что никакой періодъ не можетъ быть сравниваемъ съ настоящимъ по производству богатствъ, что никакой классъ не обогащался такъ быстро и внезапно, какъ современная буржуазія. Распредѣленіе богатства они находятъ несправедливымъ, потому-что промышленность и машина возродила рабство подъ формой найма. Личный трудъ, ра-

зумное старанье, воздержанность, бережливость, союзы подъ всѣми своими формами—отрицаются соціалъ-демократіей въ корнѣ, какъ совершенно недостаточное средство улучшить положеніе рабочихъ классовъ.

Своимъ появленіемъ соціалъ-демократія обязана сначала господствующимъ классамъ, не скоро находя откликъ въ массахъ. Робертъ Овенъ—въ Англіи, Сенъ-Симонъ и Фурье—во Франціи, Лассаль, Марксъ и Энгельсъ —въ Германіи были организаторами движенія, ускорившими его. Соціализмъ явился-бы и безъ нихъ, разъ появилась «война труда съ капиталомъ» и заитересованныя лица отказались рѣшать этотъ вопросъ на христіанской почвѣ отношеній между бѣдными и богатыми, предпочитая въ основаніе разрѣшенія даннаго вопроса помнить ученіе матеріализма.

Въ Англіи реформа 1832 г. дала власть среднему классу: пролетаріи соединились противъ него подъ именемъ «чартизма». Во Франціи революція 1830 г. возвысила буржуазію, что впослѣдствіи вызвало недовольство пролетаріата. Въ Германіи же соціалистическая партія организовалась къ 1866—1870 г.г., послѣ экономической и политической революцій. Началомъ же времени образованія соціалъ-демократіи слѣдуетъ считать 1848 г., когда соціалисты стали учить, что ихъ дѣло нуждается въ арміи, что «право безъ силы ничего не значитъ», хотя свои идеи Марксъ и Энгельсъ начали распространять въ 1844 г. въ французско-нѣмецкихъ анналахъ, изданныхъ въ Парижѣ. Карлъ Марксъ—интеллектуальный вождь нѣмецкой соціалъ-демократіи, живущей его идеями. Лассаль, какъ теоретикъ, отошелъ въ настоящее время на задній планъ. А Марксъ и Энгельсъ, хотя и рѣдко принимали участіе въ дѣятельности партіи, остаются ея душой: ихъ вліяніе не ограничивается предѣлами Германіи и распространяется на весь міръ. Быстрые успѣхи соціализмъ оказалъ съ 1863—1876 г.г., благодаря агитаціи Лассаля и провозглашенію Марксомъ Интернаціонала, такъ что въ 1871 году мы видимъ образованіе такъ называемой—Коммуны.

Въ чемъ же состоитъ теорія Маркса, посредствомъ которой онъ думалъ объединить силы пролетаріата и основать соціалистическій строй?

Прежде всего надо отмѣтить тотъ фактъ, что соціалъ-демократія не есть партія, а новое представленіе (концепція) міра. Она думаетъ организовать рабочихъ по этому представленію, она имѣетъ «утопію» на мѣсто Бога и религіи, семьи и государства, поставить самое себя съ неограниченной властью невидимаго общества, представляемаго избранными уполномоченными, надъ личностью, ея стремленіями, ея мыслями, ея дѣйствіями.

Ключемъ системы Маркса—является понятіе Entwicklung=, т. е. эволюція, параллельное развитіе учрежденій и идей, постоянное движеніе, безконечное преобразованіе. Все то, что прежде разсматривалось, какъ устойчивые принципы—религія, государство, собственность, семья—все это не болѣе какъ переходныя формы, измѣняющіяся время—отъ—времени, соотвѣтственно смѣнамъ цивилизацій, „необходимые моменты“, которые исчезнутъ, чтобы дать мѣсто другимъ, не менѣе необходимымъ. Основа новой концепціи міра—чистѣйшій матеріализмъ. «Матерія, говоритъ Марксъ, не продуктъ духа (ума), а духъ (умъ) есть продуктъ матеріи». Въ исторіи, управляемой какъ и естественныя науки, онъ усматриваетъ лишь матеріальные интересы. По мнѣнію учениковъ Маркса, одно изъ великихъ открытій и заключается въ томъ, что «исторія есть рядъ классовыхъ столкновеній изъ-за матеріальныхъ интересовъ».

Въ этомъ отдѣлѣ мы дадимъ краткое изложеніе соціалъ-демократическаго ученія *безъ критики* (см. пункты 6. 7. 8. 9. 10 и заключеніе).

Главные пункты ученія Маркса указаны: а) въ Манифестѣ 1847 г., написанномъ Марксомъ при вступленіи въ коммунистическій союзъ, центръ дѣятельности коего былъ перенесенъ изъ Парижа въ Лондонъ и который принялъ интернаціональный характеръ, (Марксъ впослѣдствіи вышелъ изъ указаннаго Союза; Кельнскій процессъ 1852 г. нанесъ ему послѣдній ударъ); б) въ адресѣ читанномъ при открытіи Интернаціонала (1864 г.); и в) въ первомъ томѣ «Капитала», изданномъ въ 1867 г.

Въ Манифестѣ Марксъ вкратцѣ резюмируетъ основную теорію, изложенную имъ въ «Капиталѣ».

На ряду съ широкими историческими перспективами здѣсь нашли себѣ соціалъ—демократическія требованія. Основныя идеи Манифеста покоются на матеріалистическомъ пониманіи исторіи. До Маркса еще доказывали, что политика зависитъ отъ политической экономіи и что противоположность классовыхъ интересовъ и классовая борьба господствуютъ во всей исторіи. Человѣкъ свободный и рабъ, патрицій и плебей, угнетатель и угнетаемый находились постоянно въ оппозиціи другъ къ другу, то явной, то скрытой, словомъ, отношенія богатыхъ къ бѣднымъ составляютъ единственный революціонный элементъ міра. Эта борьба привела къ преобразованію общества и закончилась общимъ исчезновеніемъ борющихся классовъ, мѣсто которыхъ заняли новые враждебные классы. Наше время упростило борьбу классовъ, раздѣливъ человѣчество на два лагеря: капиталистовъ и пролетаріевъ. Буржуазія начало образовываться благодаря развитію мореплаванія и торговли, какъ результата открытія новыхъ путей въ Индію, и благодаря образованію большихъ городовъ, ускорившихъ конецъ феодализма. Ростъ производства вслѣдствіе примѣненія пара и машинъ, крупная промышленность, расширеніе рынка, привели къ небывалымъ перемѣнамъ, къ сосредоточію капитала въ рукахъ буржуазіи, сила которой является результатомъ продолжительнаго развитія, длиннаго ряда экономическихъ и политическихъ переворотовъ, образованія большихъ государствъ, представительнаго режима, организованнаго въ видахъ пользы буржуазіи.

Этотъ классъ нѣкогда угнетаемый, сдѣлался въ свою очередь угнетателемъ и сыгралъ въ исторіи очень революціонную роль. Повсюду, гдѣ онъ достигалъ господства, разрушалъ идиллическія, патріархальныя отношенія. Сложная феодальная связь, создавшая привязанность человѣка къ его природному господину, безжалостно была расторгнута. Нѣтъ теперь другой связи человѣка съ человѣкомъ, какъ голый, безсердечный интересъ, расчетная плата. Врачъ, священникъ, поэтъ, человѣкъ науки превратились въ наемныхъ рабочихъ. Сорванъ трогательный покровъ сентиментализма съ семейныхъ отношеній, которыя стали теперь денежной сдѣлкой! Мѣсто религіознаго, рыцарскаго энтузіазма занялъ холодный расчетъ эгоизма, унич-

тожившій достоинство личности, разсматривая трудъ, какъ простой товаръ; вмѣсто благопріобрѣтенныхъ и гарантированныхъ свободъ провозглашена свобода безсовѣстной торговли, вмѣсто эксплуатаціи, скрытой въ политической и религіозной иллюзіяхъ, появилась открытая, наглая, сухая, непосредственная эксплуатація. Буржуазія, обогащаясь, уничтожая все болѣе и болѣе разбросанность собственности, подрывая мелкія ремесла, мастерскія, расширяя производство и рынокъ, привела къ перепроизводству и кризисамъ, экономической анархіи и сама куетъ орудіе своего разрушенія.

Пролетаріатъ, имѣющій разрушить буржуазію, развивается вмѣстѣ съ ней. Прежніе средніе классы, мелкіе хозяева, купцы, ремесленники, крестьяне дѣлаются пролетаріями или вслѣдствіе кункуренціи или потому, что новые способы производства обезцѣниваютъ ихъ искусство. Ходъ вѣковой соціальной эволюціи привелъ къ постепенному лишенію земли и капитала трудящагося класса. Рабочій сдѣлался простымъ товаромъ, цѣна его труда подвергалась конкуренціи и колебаніямъ рынка. Онъ поставленъ къ машинѣ; техническія усовершенствованія позволяютъ замѣнить его трудъ трудомъ женщинъ и дѣтей. Пролетарій не имѣетъ собственности. Вынужденный продавать трудъ своей жены и дѣтей, онъ дѣлается какъ бы торговцемъ рабами. Подъ игомъ капитала и промышленнаго труда онъ потерялъ свой національный характеръ.

Но постоянный ростъ капитала имѣетъ своимъ слѣдствіемъ ростъ пролетаріата. Увеличеніе богатства буржуазіи есть вѣрный залогъ ея разрушенія. Она сосредоточиваетъ массы и объединяетъ ихъ противъ себя. Вслѣдствіе сосредоточенія на фабрикахъ, вслѣдствіе ассоціацій, рабочіе въ концѣ концовъ организуются въ особый классъ, а слѣдовательно и политическую партію, которая выроетъ буржуазіи ея могилу. Ея паденіе отдастъ въ руки пролетаріевъ орудія производства, уничтожитъ оппозицію и угнетеніе классовъ. Для скорѣйшаго достиженія указанной цѣли пролетаріатъ долженъ выставить требованія —почти такія же, какъ готской (1875 г.), какъ и эрфуртской (1891 г.) программы): уничтожить частную собственность, упразднить семью, такъ какъ буржуазная

семья покоится на капиталѣ и частномъ пріобрѣтеніи, уничтожить національность. Но прежде всего пролетаріатъ долженъ захватить политическую власть. Онъ воспользуется ею для постепеннаго отчужденія всего капитала изъ рукъ буржуазіи. Онъ долженъ экспропріировать экспропріаторовъ, уничтожить наслѣдованіе, установить обязательную работу, дать всѣмъ дѣтямъ общественное и безплатное воспитаніе, уничтожить дѣтскій трудъ подъ его настоящей формой... словомъ, осуществить положеніе,— «гдѣ свободное развитіе каждаго было бы условіемъ свободнаго развитія всѣхъ». Манифестъ заканчивается призывомъ къ неумолимой классовой борьбѣ: «господствующіе классы затрепещутъ при одной только мысли о коммунистической революціи. Пролетаріи потеряютъ въ ней только свои цѣпи, а пріобрѣтутъ весь міръ. „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Въ адресѣ при открытіи Интернаціонала основныя идеи тѣже, что и въ коммунистическомъ манифестѣ. Освобожденіе рабочаго класса должно быть достигнуто самими рабочими. Пусть они борются не за новыя классовыя привиллегіи, а за уничтоженіе всякаго господства одного класса надъ другимъ. Экономическая зависимость рабочаго отъ владѣльца орудій труда, т. е. зависимость въ средствахъ жизни есть причина рабства надъ всѣми его формами, общественной бѣдности, интеллектуальной слабости, политической зависимости. Экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, для которой всякое политическое движеніе должно служить средствомъ. Всѣ попытки къ достиженію этой цѣли до настоящаго времени не имѣли успѣха вслѣдствіе недостатка единенія между разными отраслями труда каждой страны и между рабочими разныхъ націй. Эмансипація рабочихъ есть задача не мѣстная, но общая, касающаяся всѣхъ странъ, гдѣ существуетъ современное общество, и можетъ быть рѣшена путемъ методической дѣятельности всѣхъ странъ... «Пролетаріи соединяйтесь»!

Въ «*капиталѣ*» Марксъ хочетъ дать соціалистическимъ утопіямъ *научное* основаніе, почему излагаетъ экономическія отношенія пролетаріата и буржуазіи. Первый

томъ трактуетъ *о способѣ капиталистическаго производства*. Марксъ сначала разсматриваетъ основную задачу политической экономіи—теорію стоимости (цѣнности).

Всякій товаръ имѣетъ цѣнность двухъ родовъ—*цѣнность потребленія* вслѣдствіе оказываемой пользы для удовлетворенія потребностей человѣка и *цѣнность мѣны* (мѣновая цѣнность) по степени важности для обмѣна съ другими товарами. Эти двѣ цѣнности неодинаковы. Цѣнность потребленія ста фунтовъ хлѣба всегда одна и таже, какъ представляющая всегда одно и тоже количество питанія; мѣновая цѣнность разнообразна, смотря по урожаю, по средствамъ транспорта, по разнымъ способамъ обработки (руками или машиной). Какъ предметъ потребленія, каждый товаръ имѣетъ свойственный ему характеръ сообразно удовлетворяемой имъ потребности; какъ мѣновая цѣнность, всякій товаръ имѣетъ общій характеръ, причемъ неодинаково бываетъ лишь количество товара. Такимъ образомъ, какъ цѣнность потребленія, пары башмаковъ не можетъ замѣнить ни сто ни тысячи бифштексовъ, но извѣстное число бифштексовъ представляетъ мѣновую цѣнность пары башмаковъ. Слѣд., надо найти общее свойство для всѣхъ товаровъ и это свойство заключается *въ количествѣ необходимаго труда* для ихъ производства. Тамъ, гдѣ нѣтъ труда, какъ напр., въ пользованіи воздухомъ и водой, предметъ можетъ приносить пользу, но не имѣетъ никакой мѣновой цѣнности. Стоимость каждаго товара опредѣляется исключительно суммой потраченнаго на него человѣческаго труда. Дѣло портного неодинаково съ дѣломъ ткача; но если для шитья одного платья необходимо столько же часовъ, сколько для тканья двухъ аршинъ матеріи, то, слѣд., оба товара за исключеніемъ стоимости матеріаловъ, имѣютъ одинаковую мѣновую цѣнность, одинаковую цѣну на рынкѣ. Слѣд., *единственный источникъ цѣнности есть трудъ*, равно какъ и общая мѣра. Всякій продуктъ имѣетъ цѣнность потраченнаго на него труда; одинъ только рабочій даетъ ему цѣну. Кому-же принадлежитъ право на эту цѣнность? Очевидно, тому, кто ее произвелъ, рабочему. Какимъ же образомъ завладѣлъ ею фабрикантъ?

А вотъ какъ. Всякій, кто занимается производствомъ товаровъ и ихъ продажей, желаетъ получить прибыль не отъ обмана покупателя, а отъ разницы стоимости товаровъ для своей фабрикаціи и цѣнности ихъ на рынкѣ. Если бы цѣнность товаровъ опредѣлялась цѣнностью *орудій* труда и потраченнаго на нихъ *труда*, то не было бы никакой разницы, а слѣд., и барыша. Но эта *разница*, этотъ барышъ существуетъ, такъ какъ мы видимъ постоянное и быстрое возрастаніе національнаго богатства, благодаря промышленности. Откуда же, такимъ образомъ, происходитъ эта разница? Она есть результатъ труда, который производитъ цѣнностей на большую сумму, чѣмъ самъ цѣнится; иначе не было бы никакой прибыли. Но то, что для независимаго рабочаго, трудящагося ради своей собственной выгады, является источникомъ новой цѣнности, на службѣ у другого превращается въ обкрадываньe (эксплуатацію) рабочаго.

Слѣд., капиталистъ работаетъ и живетъ чужимъ трудомъ, пользуется рабочими, силу труда которыхъ оплачиваетъ какъ мѣновую цѣнность по базарной цѣнѣ. Цѣна эта устанавливается по тому же самому закону, какъ и всѣхъ другихъ товаровъ, въ зависимости отъ количества потраченнаго времени и необходимой силы для труда. Значитъ, цѣнность рабочаго дня есть цѣна того, что нужно рабочему для жизни и содержанія своей семьи. Пяти или шести часовъ работы достаточно для заработка необходимыхъ средствъ къ существованію рабочаго. Остальные часы робочій употребляетъ на производство «разницы» въ пользу своего хозяина. Мѣновая цѣнность мускульнаго труда ниже его потребительной цѣнности, издержки производства труда меньше, чѣмъ заслуги труда. Фабрикантъ пользуется «излишкомъ», составляющимъ для него трудъ неоплаченный, которымъ онъ пользуется въ ущербъ рабочему. Въ дѣйствительности онъ платитъ ему за шесть часовъ, когда онъ работаетъ двѣнадцать; онъ эксплоатируетъ рабочаго и ежедневно получаетъ эту прибыль съ каждаго рабочаго. Необходимость, какъ слѣдствіе конкуренціи, производить большее число товаровъ съ возможно-большей экономіей, усовершенствованіе машинъ, возрастаніе раздѣленія труда, дѣлаютъ особенную снаровку рабочаго нецѣнной, трудъ отталкивающимъ,

позволяютъ употреблять для работы женщинъ и дѣтей и еще больше увеличиваютъ прибыли капитала въ то время, какъ заработная плата понижается. Капиталистъ собираетъ милліоны, а рабочіе умираютъ съ голоду, составивъ запасную безработную промышленную армію.

Конкуренція кромѣ того имѣетъ такой результатъ, что если какой либо капиталистъ не заставляетъ рабочихъ своихъ работать десять часовъ, то онъ не можетъ существовать рядомъ съ своимъ болѣе суровымъ сосѣдомъ, заставляющимъ работать 14 часовъ. Отсюда, вытекаетъ для рабочаго важность борьбы за установленіе нормальнаго рабочаго дня, которая въ сущности является борьбой за возможность удовлетворенія своихъ умственныхъ и соціальныхъ потребностей. Словомъ, «капиталъ есть мертвый трудъ, который, какъ вампиръ, оживаетъ только при сосаніи живого труда и чѣмъ больше сосетъ, тѣмъ больше живетъ».

Каковы же лекарства столь великаго зла? При крупной промышленности нельзя возвратиться къ нѣкогда существовавшей патріархальной системѣ. Поэтому нѣтъ другого средства, какъ передать всѣ орудія труда, землю, въ руки общины, которая тогда будетъ работать для самой себя, т. е. для общаго блага—словомъ, надо уничтожить частную собственность. Это преобразованіе произойдетъ по необходимости, не по указу, а въ силу вещей сообразно съ закономъ эволюціи, чему нельзя воспрепятствовать. Въ самомъ дѣлѣ, когда капиталисты благодаря существующему способу производства достигнутъ господства, произойдетъ другое явленіе, другая экспропріація вслѣдствіе борьбы ихъ между собою. Крупный капиталъ уничтожитъ мелкіе, разрушитъ мелкую промышленность и кончитъ поглощеніемъ мелкихъ капиталовъ, сосредоточеніемъ ихъ въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ. Общество раздѣлится на два класса—нѣсколькихъ милліонеровъ съ одной стороны, огромной массы пролетаріевъ—съ другой. «Централизація средствъ производства и сдѣлавшагося коллективнымъ труда достигнетъ до такой степени, когда располагающій ею капиталистъ не будетъ въ состояніи ее удержать: по необходимости она лопнетъ. Часъ капиталистической частной собственности пробьетъ. Экспропріаторы будутъ экспропріированы» (лишающіе

собственности будутъ лишены собственности). «Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народныхъ массъ немногими узурпатарами (хищниками), а здѣсь дѣло идетъ объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народными массами».

Таково краткое изложеніе ученія Маркса. Изъ изложеннаго можно вывести двоякаго рода заключеніе 1) что «альфа и омега соціалъ-демократіи есть принудительное превращеніе частнаго конкурирующаго капитала въ единый коллективный», 2) что «отцомъ» научнаго соціализма Марксъ объявленъ, во первыхъ, за матеріалистическое объясненіе исторіи. и во вторыхъ, за ученіе о прибавочной стоимости. Именно, за написаніе «Капитала» ученики гордо провозглашали его «неопровержимымъ теоретикомъ научнаго соціализма» и сравнивали открытіе имъ законовъ движенія капиталистическаго общества съ „безсмертной заслугой открытія движенія звѣздъ Кеплера и Ньютона“.

Соціализмъ имѣлъ успѣхъ какъ на западѣ такъ и въ Россіи особенно въ «освободительные годы». Главная причина такого положенія дѣла есть не столько соблазнительныя утопіи соціальной программы, сколько дѣйствительно тяжелое положеніе пролетаріата на западѣ. Тайна вліянія соціализма въ Россіи—въ томъ, что въ соціализмѣ есть своя жизненная правда, что непосредственно понятно бѣдному простому рабочему и крестьянину, что наболѣло у него на сердцѣ: онъ бѣденъ, голоденъ, обиженъ. Въ этомъ вся правда соціализма. И больше въ немъ никакой правды нѣтъ. Всѣмъ ясно одно: соціализмъ обѣщаетъ хлѣбъ, одежду, жилище—т. е. самую жизнь.

Хотя соціализмъ не перестаетъ провозглашать о своемъ международномъ характерѣ, но можно установить до какой степени, не смотря на тождество наклонностей, иногда даже и доктринъ, отражается ясно здѣсь природный характеръ каждаго народа. Въ Испаніи онъ принимаетъ видъ разбоя на большой дорогѣ. Въ Италіи забастовка носитъ характерное названіе—sciopezo (бросить работу ради праздности). Въ Англіи соціализмъ является прежде всего вопросомъ желудка. Во Франціи развитъ вкусъ къ баррикадамъ и демонстраціямъ. Въ Германіи сказывается неискоренимая привычка „теоризировать“—

разсматривать всѣ вещи, насколько это возможно съ точки зрѣнія міровой системы. У насъ въ Россіи соціализмъ кажется мрачной религіей отчаянія и лишенія во имя Свободы, Равенства и Братства, кои должны занять мѣсто Отца и Сына и Святаго Духа. Симпатіи къ соціализму увеличились въ Россіи съ апрѣля 1878 г.—со времени покушенія Вѣры Засуличъ (25 л.) на генерала Трепова. Студенческія волненія, пожары, заговоры, покушенія за покушеніемъ, организація «Земли и Воли»—разрѣшились наконецъ ужаснымъ убійствомъ Царя—Освободителя 1 марта 1881 года. Кибальчичъ, Желябовъ, Софія Перовская—дѣятели движенія—были убѣждены въ томъ, что лучше поразить автократическое государство въ «голову»—убить царя и тогда всѣ недовольные возстанутъ, столица окажется въ рукахъ партіи и Россія сдѣлается свободной. Но смерть царя возбудила такое сильное негодованіе общества, что думать о какомъ либо новомъ успѣхѣ для соціалистическо-анархической партіи было уже нечего. Соціализмъ снова поднялъ голову много лѣтъ спустя, во время такъ называемаго освободительнаго движенія 1905—906 года, когда во многихъ городахъ вмѣсто полиціи была поставлена милиція и группы соціалъ-демократовъ безъ стѣсненія ходили по улицамъ города, распѣвая революціонныя пѣсни, неся въ рукахъ красное знамя съ излюбленными словами—Свобода, Равенство и Братство. Говорились зажигательныя, агитаціонныя рѣчи, прославлялся западъ, въ то время... какъ вожди западнаго соціализма пропитаны фанатической ненавистью къ Россіи. «Громить» русское самодержавіе было всегда одной изъ любимыхъ темъ нѣмецкой демократіи. Въ свое время Либкнехтъ заявлялъ торжественно въ рейхстагѣ, что его партія съ радостью приметъ участіе въ войнѣ съ Россіей: «я ненавижу ремесло солдата, войну и военные крики, но если походъ противъ русскихъ,—я иду, я иду!» Забываютъ и то проклятые измѣнники Русскаго Отечества, что несмотря на возгласъ: ibi bene, ubi patria (гдѣ хорошо, тамъ и отечество), западные соціалъ-демократы никогда не разрываютъ связи съ своимъ отечествомъ, излюбленнымъ «Фатерландъ». Программа готская говоритъ: «дѣйствуя въ кадрахъ національныхъ, партія сознаетъ свои интернаціональныя цѣ-

ли». Но въ то же время на галлскомъ конгрессѣ (1890 г.) повторяются слова Либкнехта: «интернаціональныя цѣли не заставятъ насъ забыть свои обязанности Нѣмцевъ». И только русскіе политическіе бараны и ослы во все горло орутъ о космополитизмѣ. И если бы спросить, что же представляетъ у насъ въ Россіи соціализмъ? Отвѣтить на это только и можно такимъ образомъ: соціализмъ въ Россіи есть общее имя массы желаній и самыхъ разнообразныхъ стремленій, относящихся ко всѣмъ областямъ соціальной жизни. Отрицаніе Бога, религіи, государства, семьи—все это достояніе матеріалистическаго соціализма, основаннаго на атеизмѣ. Напрасно мы стали-бы искать въ трудахъ даже «ихъ отца» Маркса плана, точной организаціи будущаго. Марксъ и Энгельсъ «благоразумно» воздерживаются отъ «подачи поводовъ для нареканій критики». Такъ что для успѣшной борьбы съ соціализмомъ необходимо подробно указать: крайнюю лживость его положеній, касающихся религіи вообще и христіанства въ частности, несостоятельность экономическаго ученія о государствѣ, несостоятельность принципіальнаго отношенія къ нравственности вообще и семейнымъ отношеніямъ въ особенности.

Отношеніе научнаго соціализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности. Мы видѣли, что даже такъ называемый «христіанскій соціализмъ» стоитъ въ противорѣчіи съ христіанскимъ ученіемъ. Тѣмъ болѣе это можно утверждать о научномъ соціализмѣ, который относится враждебно къ религіи вообще.

Въ Коммунистическомъ Манифестѣ вѣра въ Бога объявляется буржуазнымъ предразсудкомъ. Бебель въ Рейхстагѣ заявилъ: «мы противъ всѣхъ небесныхъ авторитетовъ, которыми вы до сихъ поръ морочили массы, небо мы уступаемъ ангеламъ и воробьямъ». Дальше такого атеистическаго міровоззрѣнія итти некуда.

Сообразно съ ученіемъ о «земномъ раѣ», соціалисты отвергаютъ безсмертіе и будущую жизнь съ мздовоздаяніемъ за гробомъ. Ихъ любимая фраза: «намъ не нужно никакихъ векселей на небо». Убѣжденіе, что небо на землѣ, а умереть значитъ покончиться, является краеугольнымъ камнемъ. соціализма. 23 февраля 1890 г. Бебель открыто говорилъ, что отрицаніе безсмертія есть одно

изъ главныхъ условій успѣховъ соціализма, потому что съ ослабленіемъ вѣры въ небо крѣпнутъ соціалистическія требованія неба на землѣ. Дицгенъ въ своей книгѣ—завоеванія философіи—изображаетъ ученіе о двухъ мірахъ, какъ величайшее заблужденіе, и совѣтуетъ потустороннему міру предпочесть уютный, посюсторонній.

Недаромъ при входѣ на Берлинское кладбище соціалистической свободной общины красовалась демонстративная надпись:

«Ищите въ здѣшнемъ мірѣ благъ и наслажденій:
Иного міра нѣтъ, какъ нѣтъ и воскресенья».

3 февраля 1893 г. соціалисты на вопросъ—вѣрятъ-ли они въ загробную жизнь—единогласно отвѣчали: нѣтъ! Еще Лассаль издѣвался надъ мыслью о безсмертіи и на этомъ основаніи отрицалъ право собственника дѣлать завѣщанія. Между тѣмъ, какъ гражданскій порядокъ *весь* зиждется на правахъ собственности и безъ него обойтись не можетъ.

Отрицая религію вообще, научный соціализмъ особенно сильно нападаетъ на христіанство. Онъ борется съ христіанствомъ за отторженіе отъ него души народныхъ массъ. Обвиняя его въ томъ, что будто-бы оно не выполнило обѣщанія всемірнаго искупленія (понимая подъ искупленіемъ чисто плотское освобожденіе отъ матеріальной зависимости), соціалисты кощунственно повторяютъ: «мы не вѣримъ въ Искупителя, но вѣримъ въ искупленіе; никакой человѣкъ, никакой Богъ въ человѣческомъ образѣ не можетъ спасти человѣчество; спасти его можетъ только одно трудящееся человѣчество и эту-то благую вѣсть искупленія возвѣщаетъ соціализмъ: міровой искупитель—пролетаріатъ!»

Неудивительно, что всѣ критики соціализма настойчиво предостерегаютъ христіанъ отъ тлетворной язвы соціализма. Альбертъ Шэфле въ своемъ изслѣдованіи—сущность соціализма—обращаетъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что соціализмъ насквозь пропитанъ антирелигіознымъ направленіемъ и враждою къ церкви. Вмѣсто того, чтобы считать ее, выражаясь современнымъ языкомъ, Craftstation, т. е. «станціей силы», гдѣ нарождается запасъ духовной энергіи и подается освященіе, соціализмъ утверждаетъ, что церковь есть одно изъ по-

литическихъ учрежденій капитала съ цѣлью обмануть пролетаріатъ векселями, подлежащими уплатѣ на небѣ, котораго нѣтъ, а потому она должна быть уничтожена. Лассаль, не стѣсняясь, свое ученіе провозглашаетъ новымъ евангеліемъ, а именемъ новой церкви называетъ рабочій пролетаріатъ.

На религію вообще, и на христіанство въ частности, научный соціализмъ смотритъ, какъ на случайные продукты экономики. «Муниципальныя божества древняго міра, по словамъ Лафарга (зятя Маркса), нужны были тогдашнимъ воинствовавшимъ городамъ, которые вели постоянную борьбу съ сосѣдними народами; вслѣдствіе потребности торговли и промышленности буржуазія создаетъ, вмѣсто муниципальныхъ, космополитическихъ боговъ (Изида, Деметра, Діонисъ, Іисусъ, Аллахъ, Будда); много позже, въ капиталистическую эпоху, появляется представленіе о безличномъ богѣ (пантеизмъ)—какъ слѣдствіе безличной собственности акціонерныхъ компаній».

Само первоначальное христіанство есть не что иное, какъ систематическое сочетаніе идей и миѳовъ, сотни лѣтъ господствовавшихъ въ древнемъ мірѣ. Появленіе его объясняется изъ факта чрезвычайнаго размноженія рабовъ и пролетаріата въ Римской имперіи, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ средняго класса, слѣд., изъ обостренія соціальныхъ противоположностей: «христіанство представляло собою протестъ противъ подавленія массъ (Бебель) и не Христосъ создалъ теченіе, а Онъ созданъ теченіемъ» (Фарри). Вся христіанская благотворительность явилась слѣдствіемъ страха революціи со стороны голодныхъ массъ (Каутскій), а прославленную идею равенства во Христѣ провозгласилъ императоръ Каракалла, который распространилъ на всѣхъ своихъ подданныхъ права гражданства ради обогащенія своей казны. Точно также и всю духовную жизнь человѣка соціализмъ считаетъ случайной надстройкой въ его экономикѣ, почему и поставляетъ ее въ исключительную зависимость отъ того или иного состоянія экономической жизни людей, которое одно только имѣетъ собственную цѣнность въ научномъ соціализмѣ. Марксъ на основаніи того, что человѣческое начало не есть нѣчто абсолютное, а созданное совокупностью общественныхъ отношеній, считаетъ религіозное

чувство продуктомъ человѣческой природы, развивающимся подъ рѣшающимъ вліяніемъ экономической среды, почему и низводитъ религію до частнаго второстепеннаго вывода политической экономіи.

Хорошо сознавая, что религія вообще, а христіанство въ частности, являются самымъ сильнымъ тормазомъ въ дѣлѣ пропаганды соціализма, соціалисты, какъ мы видѣли, совершенно безцеремонно обращаются съ фактами христіанской исторіи и въ своемъ рвеніи доходятъ до положительнаго абсурда. Каутскій, напр., убѣжденно заявляетъ: «жаль, однако, что Бауръ не рѣшилъ окончательно—жилъ-ли Христосъ». Энгельсъ Новый Завѣтъ считаетъ отрывками изъ большого количества сочиненій, составленныхъ Перегриномъ Протеемъ и подвергшихся позднѣйшей передѣлкѣ до такой неузнаваемости, что здѣсь едва можно различить зерно исторической правды—откровенная, здоровая, честная месть къ своимъ гонителямъ. Полнѣйшее игнорированіе исторической критики! И такое безсовѣстное, некорректное, явно тенденціозное отношеніе оправдывается соціалистами тѣмъ соображеніемъ, что «считаясь съ величайшей консервативной силой» (Энгельсъ), каково христіанство, они стараются поколебать его ученіе. «Чтобы подорвать недовѣріе рабочихъ и скорѣе проникнуть къ нимъ въ нашихъ собственныхъ рядахъ, пишетъ одинъ изъ соціалистовъ, возникаетъ стремленіе затушевать наши основныя воззрѣнія и, во имя временнаго успѣха, жертвовать ясностью мысли и чувствами нашихъ собственныхъ товарищей» (голландецъ Антонъ Паннекоскъ).

Признавая религію «субститутомъ человѣческаго невѣжества», соціализмъ и развитіе ея полагаетъ въ его постепенномъ исчезновеніи. Для интеллигента, по Марксу, это отжившее суевѣріе—покончeнный вопросъ, а для народа—опіумъ, почему освобожденіе совѣсти отъ чаръ религіи есть содѣйствіе реальному счастью народовъ. «Людямъ высшаго разбора она не нужна, фантазируетъ Бебель, такъ какъ она есть издѣліе человѣческое и свергать ее съ престола не придется, такъ какъ она сама постепенно исчезнетъ». Съ объективной точки зрѣнія, достаточно указать на то обстоятельство, что исторія не оправдываетъ подобнаго вывода.

Соціалисты по тактическимъ соображеніямъ инспирируютъ народныя массы путемъ внушенія той мысли, что христіанство стоитъ на сторонѣ враговъ бѣднаго люда—капиталистовъ и правителей. Образчикъ такой аргументаціи можно заимствовать изъ рѣчи итальянца—Турати: «страхъ Божій, говоритъ онъ, употребляется на то, чтобы привѣшивать покрѣпче замки къ сундукамъ богачей, наполненныхъ тяжкимъ трудомъ народа».

Разумѣется, такія рѣчи очень сильно дѣйствуютъ на рабочихъ, оторванныхъ отъ своихъ деревенскихъ занятій и пришедшихъ въ городѣ въ соприкосновеніе съ богатствомъ: они ничего не имѣютъ, терять имъ нечего, а потому они легко становятся рекрутами для партіи соціалистовъ. Нужно-ли доказывать, что если духъ христіанскаго ученія есть духъ мира и любви, то духъ современнаго соціализма не преслѣдуетъ такихъ задачъ. Тамъ, гдѣ христіанская религія проповѣдуетъ миръ, братство и любовь, соціализмъ пропагандируетъ войну, ненависть и борьбу. Здѣсь не только различіе, но прямой антагонизмъ: имъ нужно раздражать, обострять соціальныя раны вмѣсто того, чтобы лѣчить ихъ и перевязывать.

Въ цѣляхъ пропаганды соціалисты объявляютъ «нейтралитетъ къ церкви», считаютъ религію «частнымъ дѣломъ», говорятъ о «свободѣ совѣсти»—(вѣрнѣе—о свободѣ отъ совѣсти). По Тодту, даже недостоинъ имени соціалиста тотъ, кто самъ не атеистъ и не отдается со всѣмъ рвеніемъ распространенію атеизма. Имъ уже рисуется вдали «первый день соціализма», международный праздникъ его въ Ватиканѣ и соборѣ Св. Петра, когда все религіозное превратится въ предметъ любопытныхъ разговоровъ и веселыхъ шутокъ, когда въ храмахъ помѣстятся учебныя заведенія, ремесленныя школы или выставки произведеній и когда мѣсто религіи займетъ *сліяніе всѣхъ интересовъ въ экономической солидарности!*

Словомъ, нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго между соціализмомъ и христіанствомъ! Таково отношеніе къ соціализму, какъ принципіальнѣйшему и злѣйшему врагу религіи и Церкви Христовой, проявляется и со стороны инославныхъ церквей. Въ папской, напр., энцикликѣ отъ 28 дек. 1878 г. громко, на весь свѣтъ заявлено, что не

можетъ быть большаго различія, чѣмъ то, какое существуетъ между дурными ученіями соціалистовъ и чистымъ ученіемъ Христа.

Между тѣмъ соціалисты въ практической жизни всячески поддѣлываются подъ религіозныя формы національнаго уклада. Сознавая необходимость сообразоваться съ историческимъ ходомъ народнаго развитія, соціалисты всѣми силами стараются подмѣнить потребности религіознаго чувства. Такъ, они таинство крещенія мечтаютъ замѣнить церемоніей гражданскаго крещенія; бракъ—нотаріальной сдѣлкой; похороны—торжественной процессіей безъ священника; крестные ходы—шумными кавалькадами и пикниками. Вмѣсто христіанскихъ праздниковъ они устанавливаютъ свои. Напр., въ день Рождества Христова празднуютъ «день рожденія труда или бога—Индустріи»; въ день Св. Пасхи—«воскресеніе пролетаріата»; день Св. Тройцы посвящаютъ—«въ честь духа свободы и прогресса».

Соціалистическій календарь, скомбинированный съ анархическимъ, выдвигаетъ празднованіе особыхъ дней. Чествуется—покушеніе Вѣры Засуличъ (24 янв.), рожденіе и смерть Маркса (род. 5 мая 1818 года, ум. 14-го марта 1883 г.), убіеніе имп. Александра II (1 марта), казнь Перовской (15 апрѣля), казнь Пугачева (20 іюня), день «мучениковъ Коммуны» (25 мая). Сообразно съ этимъ христіанскимъ молитвословіямъ противополагаются пѣсни войны, зовущіе на бой для захвата власти, вродѣ русской:

„вставай, поднимайся, рабочій народъ“,

или германской пѣсни ткачей.

«Проклятъ Богъ богачей!
Проклять царь богачей!
Мы ткемъ, мы ткемъ
Мы ткемъ тебѣ, Старая Германія, саванъ!»

Въ дни Рождества Христова въ газетахъ, журналахъ, календаряхъ, особыхъ сборникахъ, «товарищами» для «товарищей» составляются святочныя пѣсни, гдѣ воспѣвается поклоненіе индустріи. Къ Пасхѣ таже тема о трудѣ перефразируется въ видѣ пародіи на крестный подвигъ Спасителя или на Его воскресеніе съ прославленіемъ воскресшаго пролетаріата. Совершаются также публичныя демонстраціи въ родѣ паломничества берлинскихъ рабо-

чихъ къ «нѣмецкой голгоѳѣ», т. е. къ могиламъ павшихъ въ мартовскую революцію.

«И оправдана премудрость чадами ея!» Изгоняя изъ программы своей дѣятельности истинную религію, соціалисты волей—неволей вынуждены были создать пародію гражданской религіи и вмѣсто христіанской религіи любви предложить рядъ фантастическихъ бредней, пропитанныхъ ненавистью.

Насколько эти жалкія попытки—мертворожденны и лишены всякаго успѣха, можно судить по тому факту, что даже «величайшій праздникъ пролетаріата», единственно-самобытный—первое мая почти не признается соціалистическими рабочими. На Бременскомъ съѣздѣ 1904 года вожаки соціалистовъ жаловались на то, что рабочіе требовали перенесенія его на ближайшее воскресенье, чтобы... не лишиться заработка одного дня.

Подводя итогъ сказанному, мы видимъ, что научный соціализмъ отрицаетъ: 1) вѣру въ Бога, 2) потусторонній міръ, 3) безсмертіе души, 4) загробное возмездіе, т. е. *все то, что составляетъ основные элементы, общіе всѣмъ религіямъ.* Слѣд., соціализмъ не можетъ быть принятъ ни буддизмомъ, ни новоіудействомъ, ни магометанствомъ (исламомъ), ни христіанствомъ, ни, даже, язычествомъ. Его послѣдователями могутъ быть только атеисты, не имѣющіе при томъ должнаго понятія о логикѣ, исторіи и политической экономіи.

7. Критика экономическаго ученія соціализма. Нестоятельность экономическаго ученія соціализма вытекаетъ изъ неосновательности тѣхъ предпосылокъ, на коихъ зиждется выводъ. Экономическое ученіе соціалисты стремятся обосновать на законахъ логической необходимости, представить его *какъ само собою разумѣющійся* выводъ изъ законовъ разума. Но наука уже давно отрѣшилась отъ такого масштаба: она имѣетъ малую вѣру заявленіямъ, необоснованнымъ историческими данными. Нѣтъ ничего болѣе спорнаго, какъ это научное положеніе, присвоенное себѣ соціалистами, утверждающими, что они опираются на политическую экономію, т. е. на науку, еще не сформировавшуюся, которая ищетъ своихъ зако-

новъ, но не нашла еще ихъ, являющуюся спорнымъ предметомъ. Школы экономистовъ несогласны ни во взглядахъ на существованіе въ ней естественныхъ законовъ, ни во взглядахъ по вопросамъ статистики, которая будучи вѣрна на берегахъ Рейна, оказывается ошибочной для другихъ мѣстностей. Своими предположеніями, способностью слѣдовать простымъ догадкамъ, исканіемъ абсолютнаго, постоянно ускользающаго, соціализмъ приближается несравненно болѣе къ философской проблемѣ, чѣмъ къ наукѣ.

Въ виду сказаннаго, необходимо выдѣлить тѣ основныя положенія, на которыхъ построено экономическое ученіе соціализма. А они таковы:

а) богатство есть продуктъ труда;

б) рабочій за свою работу получаетъ меньше сравнительно съ тѣмъ, что ему слѣдовало-бы за работу (ученіе о прибавочной стоимости), потому что капиталистъ грабитъ рабочаго (экспропріація пролетаріата);

в) необходимо сгладить неравенство между работодателемъ и рабочимъ (уничтоженіе частной собственности);

г) экономическая исторія человѣчества неизбѣжно ведетъ его къ соціализму, для успѣха котораго необходимо замѣнить современный капиталистическій строй соціалистическимъ.

Прежде всего мы должны отмѣтить, что положенія: «трудъ есть источникъ и мѣра цѣнности»... «предприниматель платитъ рабочему за пять за шесть часовъ, когда тотъ работаетъ двѣнадцать» и т. д.—мнимыя аксіомы. Доказано-ли это?

Первое же положеніе предъ судомъ критической мысли оказывается несостоятельнымъ Готской программой оно формулировано такъ: «трудъ есть источникъ возникновенія *богатствъ и всякой культуры;* а такъ какъ производительный трудъ въ большинствѣ случаевъ только и возможенъ при посредствѣ общества, то поэтому плоды этого труда принадлежатъ всѣмъ членамъ общества, и каждый членъ общества имѣетъ право на равную долю

сообразно разумнымъ своимъ потребностямъ, при чемъ каждый членъ долженъ принимать одинаковое участіе въ этомъ общественномъ трудѣ».

Можно сказать только, что трудъ является исключительною, зависящею отъ людей, причиною возникновенія предметовъ богатства. Но самое богатство также зависитъ отъ качества производимаго товара, бережливости, умственныхъ способностей предпринимателя и рыночнаго спроса. Качество производимаго товара въ свою очередь зависитъ отъ качества почвы, климата, географическаго положенія, этнографическихъ свойствъ данной мѣстности, обилія или недостатка матеріала и т. п.—поэтому количество, а равно и качество производимыхъ богатствъ, столько-же зависитъ отъ этихъ условій, сколько и отъ людского труда. Трудъ не можетъ быть исключительной причиной и возникновенія культуры, способствующей нарощенію богатствъ. Извѣстный предметъ является такимъ, а не инымъ (напр. красивымъ, а не безобразнымъ) не отъ того, что на изготовленіе его затрачено было столько-то труда, а отъ того, что трудъ этотъ былъ примѣненъ тѣмъ, а не инымъ образомъ, что въ свою очередь зависитъ отъ вкуса, потребностей и способностей производителя. Въ этомъ смыслѣ, богатство есть такъ-же мало продуктъ труда, какъ «Гамлетъ» является продуктомъ того пера, которымъ его писалъ Шекспиръ.

Человѣческій характеръ состоитъ изъ желаній—съ одной стороны и изъ способностей—съ другой. Мало желать чего либо, необходимо того достигнуть. Многіе, стремящіеся къ богатству, не смотря на весь свой трудъ, не могутъ его достигнуть, такъ какъ трудъ ихъ—не цѣненъ. Правда, разнокачественность труда Марксъ находитъ возможнымъ замѣнить раздѣленіемъ труда на простой и сложный: «меньшее количество сложной работы можетъ быть сведено къ большему количеству простой». Но какъ можно свести день труда Рафаэля къ столькимъ-то днямъ труда маляра?

Приписываніе творческаго замысла одному лишь грубому физическому труду—явная бозсмыслица. Поэтому и говоритъ, что плоды этого труда въ равной мѣрѣ принадлежатъ всѣмъ членамъ общества, дѣло невозможное

безъ наруженія принципа элементарной справедливости. По той-же самой логикѣ мысли и работы Маркса и Энгельса возможно замѣнить нѣсколькими днями труда... типографскихъ наборщиковъ, кои имѣютъ, слѣд., полное право на весь доходъ съ изданія.

Соціалисты желаютъ экономическаго распредѣленія богатствъ въ равной долѣ, но забываютъ, что кромѣ такого равенства есть равенство въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. при фактѣ матеріальнаго неравенства можетъ быть такъ называемое пропорціональное равенство, зависящее отъ личныхъ качествъ индивидуума. Они пренебрегаютъ самой элементарной наукой—позитивной психологіей и не принимаютъ во вниманіе того, что главный двигатель и побужденіе къ труду—*личный интересъ*, который одинъ только можетъ съ достаточной силой побѣдить инерцію (бездѣятельность), присущую человѣку, и имѣетъ такое же значеніе для его дѣятельности, какое законъ тяготѣнія—для небесныхъ тѣлъ. Человѣкъ несомнѣнно работаетъ постольку, поскольку ему нужно для обезпеченности существованія. При равномѣрности распредѣленія предметовъ потребленія мотива для труда не будетъ и произойдетъ остановка въ прогрессѣ культуры. Соціальное неравенство, наоборотъ, является конечною причиною возникновенія тѣхъ видовъ труда, которые возвышаются надъ низшими формами его проявленія. Мотивомъ къ возникновенію высшихъ формъ труда служитъ стремленіе къ соціальному неравенству. Чувство альтруизма можетъ побудить человѣка подать стаканъ воды жаждущему, но онъ не можетъ побудить его къ изобрѣтенію новаго напитка. Что могло-бы сдѣлать общество само по себѣ со всѣмъ своимъ богатствомъ и обобществленіемъ производительныхъ силъ? Могло-ли оно открыть Америку? изобрѣсти книгопечатаніе? открыть законъ тяготѣнія? опредѣлить разстояніе земли отъ солнца? Утверждать, что каждый членъ общества долженъ принимать одинаковое участіе въ общественномъ трудѣ—значитъ... бить словами по воздуху...

Второе требованіеніе экономическаго ученія, чтобы рабочій получалъ столько, сколько проработаетъ времени, въ дѣйствительной жизни невозможно. Допустимъ, что, дѣйствительно, удалось установить для всего свѣта «мѣ-

новую цѣнность», при примѣненіи которой невозможно, чтобы рабочій получалъ за свою работу меньше, чѣмъ она стоитъ. Но, вѣдь, раздѣленіе труда является вслѣдствіе различія въ способностяхъ людей, и, слѣд., вознагражденіе должно быть пропорціонально степени совершенства труда. А отсюда, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ соціалистическое вознагражденіе рабочаго справедливымъ не будетъ.

Для того, чтобы добыть извѣстное количество хлѣба, приходится въ хлѣбородной мѣстности потратить меньше труда, чѣмъ тамъ, гдѣ земля плохая, при чемъ качество труда далеко не одинаково у всѣхъ—такъ что при соціалистической системѣ вознагражденія жители хлѣбородной мѣстности незаслуженно окажутся въ болѣе выгодномъ положеніи, а лучшіе рабочіе окажутся обиженными и въ результатѣ—одни будутъ пользоваться трудомъ другихъ, при чемъ какъ разъ люди способные и старательные окажутся страдающими.

Словомъ, признать, что всякій продуктъ имѣетъ цѣнность потраченнаго на него труда и что только рабочій даетъ ему эту цѣну—нельзя, потому что цѣну устанавливаетъ не рабочій или продавецъ сообразно своимъ трудамъ и издержкамъ, но покупатель, который соразмѣряетъ цѣну сообразно съ своимн нуждами и пріятнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ на него товаромъ. Слѣд., не одинъ только трудъ, какъ думаетъ Марксъ, а выгодное приспособленіе труда къ цѣли, является источникомъ и мѣрой его цѣнности.

Мы переходимъ теперь къ самой сущности вопроса—ученію о *прибавочной стоимости,* на основаіи котораго соціалисты утверждаютъ, что капитализмъ экспропріируетъ пролетаріатъ или, что тоже, капиталисты грабятъ рабочихъ.

Право капиталистовъ на получаемую ими прибыль основывается на томъ, что она 1) есть справедливое вознагражденіе за самое созданіе капитала, сопровождавшагося извѣстнымъ трудомъ и лишеніями, при чемъ капиталъ и создавался именно для извлеченія изъ него дальнѣйшихъ выгодъ; 2) требуетъ вознагражденія труда по управленію предпріятіемъ, учрежденнымъ на этотъ капиталъ—труда, соединеннаго съ заботами, тревогами, а

иногда и банкротствомъ (статистика показываетъ, что 50% предпріятій себя только что оправдываютъ, 10%— преуспѣваютъ и 40%—терпятъ банкротство); 3) вознаграждаетъ самую искусность, т. е. умѣніе веденія дѣла: наличность знанія, являющагося нерѣдко результотомъ продолжительнаго и упорнаго изученія—теоретическаго и практическаго; 4) вознаграждаетъ трудолюбіе, расчетливость, предпріимчивость, умѣніе выбирать людей и руководить ими. Когда капиталистъ не самъ ведетъ дѣло, то его право основывается на затраченномъ капиталѣ и рискѣ предпріятія, такъ что предпріятія болѣе рискованныя и находятъ себѣ капиталъ лишь за болѣе высокіе проценты.

Чѣмъ болѣе расширяется предпріятіе, тѣмъ болѣе отвѣтственности въ немъ, и дѣло простой справедливости — давать бо́льшую плату тѣмъ, кто несетъ бо́льшую отвѣтственность. При томъ-же рабочій получаетъ деньги впередъ, не дожидаясь конца предпріятія, и получаетъ свое вознагражденіе въ зависимости отъ своихъ способностей: механикъ болѣе, чѣмъ слесарь, архитекторъ и инженеръ болѣе, нежели подрядчикъ. Инженеръ работаетъ въ своемъ кабинетѣ такъ-же, какъ и рабочій въ мастерской. Но если для достиженія своего положенія ему надо было учиться пятнадцать лѣтъ безъ жалованья, то справедливо, чтобы его вознагражденіе было выше вознагражденія рабочихъ, потому что его знанія и способности важнѣе— ручной дѣятельности.

Капиталистъ имѣетъ право также обращаться къ наемному труду, при чемъ результаты работы справедливо принадлежатъ ему, такъ какъ онъ *купилъ ихъ*. Утверждать, напр., что урожай, собранный съ поля, долженъ принадлежать рабочимъ, а не владѣльцу—такая-же нелѣпица, какъ говорить, что сюртукъ, сшитый портнымъ изъ сукна заказчика, принадлежитъ не заказчику, а портному. Если-бы годъ оказался неурожайнымъ, все равно помѣщикъ былъ-бы обязанъ уплатить за работу, хотя-бы самъ черезъ это задолжалъ. Современное положеніе рабочаго дѣла и капиталистовъ вовсе не есть «работа шайки пиратовъ и береговыхъ разбойниковъ, которые ждутъ случая уловить и ограбить посторонняго человѣка», скорѣе оно похоже на законный торгъ, происходящій въ откры-

томъ морѣ, гдѣ возникаетъ много опасностей вслѣдствіе бури и столкновеній, происходитъ много несчастій отъ измѣны и опрометчивости.

По выраженію соціализма «въ капиталистическомъ обществѣ дается не полный продуктъ его труда.» На самомъ дѣлѣ, продуктъ труда рабочаго есть выговоренная имъ заработная плата, изъ-за которой онъ и трудится и которую получаетъ и долженъ получить полностью, даже если самъ хозяинъ имѣлъ отъ предпріятія одни только убытки. О какомъ-же грабежѣ можетъ итти рѣчь?

Предположимъ, что директоръ завода предвидитъ на рынкѣ періодъ повышеннаго спроса на фабрикуемый имъ товаръ. Онъ нанимаетъ хорошихъ рабочихъ, удвоиваетъ имъ жалованье и получаетъ большой барышъ, эксплуатируя не руки рабочихъ, а стеченіе обстоятельствъ. Его законный барышъ является результатомъ его умственной работы, предпріимчивости его духа, его ловкости и рѣшительности. Прибыль предпринимателя отъ каждаго рабочаго часто очень незначительна, но, получаемая отъ многихъ, она позволяетъ фабрикѣ благоденствовать. Увеличеніе, даже самое слабое, жалованья, уничтожая эту разницу, вынуждаетъ иногда прекратить самую промышленность. Рабочему естественнѣе предпочесть правильное полученіе заработной платы, чѣмъ участіе въ прибыли при отдаленныхъ и неизвѣстныхъ шансахъ предпріятія, а также и въ его убыткахъ. При окончаніи предпріятія можетъ такъ случиться, что не на что будетъ жить. Въ современной сложной промышленности капиталистъ—предприниматель опредѣляетъ цѣль своей фабрики, изучаетъ производство, машины и ихъ усовершенствованія. Рабочіе являются только одушевленными его орудіями и часто не знаютъ конца предпріятія. По выражанію одного критика соціализма, главная ошибка, на которой покоится система Маркса—та, что «Марксъ дѣлаетъ изъ орудія—творца, а изъ послѣдняго—соціальнаго паразита».

Приписывать главную роль въ теоріи образованія капитала обману и насилію есть пріемъ сектанта въ поискахъ софистическихъ аргументовъ, а не мыслителя и ученаго, занятаго только однимъ изслѣдованіемъ истины. На самомъ дѣлѣ въ производствѣ богатствъ надо отводить

мѣсто тремъ элементамъ: суммѣ необходимаго труда для добыванія матеріаловъ, ихъ обработки и транспорта, суммѣ умственныхъ способностей для наилучшаго руководства трудомъ, наконецъ, качествамъ бережливости и экономіи, чтобы воспрепятствовать потребленію всѣхъ продуктовъ по мѣрѣ ихъ производства и давать возможность накопленія ихъ подъ формой свободнаго капитала. Марксъ желаетъ видѣть только первую причину, а остальнымъ несправедливо отказываетъ въ правѣ участія въ плодахъ общаго труда. Рука рабочаго, занятая дѣломъ, есть только орудіе. Истинный агентъ производства—умъ, который комбинируетъ, организуетъ и управляетъ, пользуясь лишь мускульнымъ содѣйствіемъ. Бережливость также содѣйствуетъ образованію богатства. Если крупныя неожиданныя состоянія являются исключеніемъ, то большинство мелкихъ основывается на бережливости и экономіи, какъ видно на примѣрѣ крестьянъ и рабочихъ, переходящихъ изъ рядовъ пролетаріата въ ряды мелкой буржуазіи. Возьмите двухъ рабочихъ въ одинаковыхъ условіяхъ среды, семьи и жалованья; представьте одного порядочнаго, дѣятельнаго, экономнаго, не позволяющаго себѣ излишнихъ расходовъ, другого—расточителя, любителя удовольствій и не предусмотрительнаго. Первый сдѣлается подмастерьемъ, потомъ мастеромъ—хозяиномъ и составитъ себѣ капиталъ, второй останется пролетаріемъ. Для Маркса первый—презрѣнный буржуа, а второй составляетъ особый предметъ его заботъ!

Что рабочіе имѣютъ возможность дѣлать сбереженія, доказательствомъ тому служатъ милліарды, находящіеся въ сберегательныхъ кассахъ Англіи, Франціи, Америкѣ и Россіи. Слѣд., для трудящагося рабочаго нѣтъ никакого смысла въ *уничтоженіи частной собственности*. Ни откуда не видно, чтобы они имѣли интересъ такъ поступать, разъ собственность будетъ уничтожена. Теорія Маркса толкаетъ ко всеобщей расточительности продуктовъ изо дня въ день и рѣшительно препятствуетъ накопленію капитала, составляющаго одну изъ великихъ силъ цивилизаціи. Никогда государство не можетъ взять на себя задачи уничтожить капиталъ: оно не будетъ тогда способно къ прогрессу цивилизаціи, не имѣя возможности конкурировать.

Марксъ представляетъ коллективизмъ, какъ необходимый результатъ эволюціи будущаго и все болѣе концентрирующейся крупной промышленности, усиливающей борьбу мамонизма и пауперизма. Но предъугадать грядущій ходъ событій исключительно на основаніи матеріалистическаго пониманія исторіи рѣшительно невозможно. Общества заключаютъ въ себѣ въ состояніи зародыша неизвѣстныя и неожиданныя формы, которыхъ нельзя узнать, по прошедшему, потому что онѣ опредѣляются новыми конъюктурами (т. е. обстоятельствами). Экономическая и соціальная организація зависитъ отъ развитія и открытій науки. Напр., электричество, это сила, легко дѣлимая и удобопереносимая, не можетъ-ли передать преимущества въ нѣкоторой степени промышленности *мелкой*, болѣе благопріятствующей семейной жизни, уничтожить концентрацію рабочихъ, ослабить тяжелый трудъ, какого требуютъ паровыя машины?

Итакъ, мы видимъ, что право собственности должно быть неприкосновенно, во первыхъ. потому, что она является главнымъ двигателемъ цивилизаніи, источникомъ благоденствія, а не причиной лишенія, а во вторыхъ потому. что съ уничтоженіемъ собственности все равно нельзя достичь матеріальнаго равенства долѣе, чѣмъ на одно мгновеніе. При всякомъ новомъ насильственномъ распредѣленіи собственности несправдливо потерпѣло-бы меньшинство, но оно же повлечетъ за собой и гибель большинства.

Между тѣмъ единственный видъ частной собственности, допускаемый соціализмомъ, состоитъ единственно въ предметахъ потребленія, такъ какъ обладанія землей и капиталомъ не допускается. Только потребительныя блага предоставляются усмотрѣнію частныхъ лицъ: каждый можетъ расходовать ихъ немедленно, можетъ, если хочетъ, копить, можетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, передавать ихъ по наслѣдству, чѣмъ, конечно, принципіально нарушается основное положеніе соціализма. Въ этомъ соціализмъ рѣзко отличается отъ коммунизма, хотя на первыхъ стадіяхъ литературнаго развитія оба направленія нерѣдко сливались. Соціализмъ объединяетъ въ коллективномъ хозяйствѣ только производство и распредѣленіе, оставляя потребленіе на волю отдѣльныхъ лицъ; коммунизмъ-же

стремится установить общность не только въ трудѣ, но и въ пользованіи жизненными благами, подчиняя общественному контролю всю обширную область потребленія и домашняго хозяйства. Мысли и формулы Лассаля, допускающія частную собственность, въ настоящее время могутъ считаться историческимъ прошлымъ: онѣ теперь не больше, какъ обломки бомбъ, выполнившихъ свое разрушительное дѣло. Соціализмъ не спрашиваетъ теперь: «почему у васъ такъ мало», а «зачѣмъ у другихъ такъ много», и думаетъ сдѣлать для всѣхъ обязательнымъ законъ, выраженный словами апостола: «не трудящійся пусть не ѣстъ». Но какъ?

На это соціализмъ отвѣчаетъ своимъ ученіемъ объ обществѣ будущаго, которое будетъ представлять собою соціалистическое государство или «общечеловѣческій соціальный союзъ».

8. Критика соціалистическаго государства. Тщетно было-бы искать въ трудахъ соціалистовъ точной организаціи или строя общества будущаго. Они говорятъ о стремленіяхъ и наклонностяхъ будущаго общества, но не о формахъ его. Вся тактика соціалистовъ должна лишь стремиться сдѣлать невозможнымъ никакой компромиссъ между капитализмомъ и соціализмомъ.

Въ то время, какъ противники соціализма представляютъ рядъ своихъ программъ и смотрятъ на отсутствіе опредѣленной программы у соціалистовъ, какъ на признакъ безсилія, сторонники соціализма, напротивъ, хвалятся этимъ, какъ явнымъ признакомъ прогресса: соціализмъ долженъ-же слѣдовать за эволюціей науки, шагъ за шагомъ изучать экономическіе законы движенія капиталистическаго общества. Либкнехтъ отказывается дать какое либо названіе обществу будущаго. „Должны-ли мы заявить, спрашиваетъ онъ, что мы стремимся къ республикѣ? не знаю я. Само собою понятно, что республика есть идеальное государство партіи, борющейся за свободу. Но не слѣдуетъ забывать, что борьба классовъ въ буржуазной республикѣ такъ же ожесточена, какъ и въ монархіи“.

Замѣчательно, что въ эрфуртской программѣ (1891 г.) нѣтъ совсѣмъ рѣчи о *государствѣ*, но единственно объ *обществѣ*. Марксъ съ глубочайшей ненавистью говоритъ

о „мистической идеѣ государства“, объ этой „рабской вѣрѣ въ чудеса, которыя можетъ совершить государство“ (какъ будто меньше надо слѣпой вѣры для чудесъ коллективнаго общества!). Они мечтаютъ овладѣть государствомъ и обществомъ (это различеніе общества и государства—чисто китайская грамота) лишь для того, чтобы его уничтожить, какъ только установится коллективное общество. Но такъ какъ съ другой стороны, коллективное общество требуетъ очевиднаго всеобщаго принужденія, то соціалисты уничтожаютъ государство въ то время когда оно наиболѣе сдѣлается необходимымъ.

Въ дѣйствительности, „общество безъ государства“, идеалъ соціалистовъ, т. е. „община безъ организаціи“ существуетъ только у дикихъ народовъ и нисколько не мѣшаетъ господству классовъ и рабству. Какъ же будетъ организовано государство будущаго?

Соціалисты говорятъ только о необходимости всѣмъ трудиться съ равнымъ правомъ работника получать изъ плодовъ общиннаго труда все необходимое для удовлетворенія своихъ разумныхъ потребностей. Они говорятъ также о равныхъ правахъ и обязанностяхъ для каждаго безъ различія пола и происхожденія и очень мало, почти ничего, о регламентаціи коллективнаго труда и распредѣленіи его продуктовъ. Мы не можемъ, говорится въ эрфуртской программѣ, точно представить общества будущаго, потому что онѣ будутъ опредѣлены экономической эволюціей, какъ слѣдствіемъ переходныхъ и посредствующихъ способовъ организаціи. Да и не желаемъ гипнотизировать рабочаго представленіемъ образа будущаго общества“.

Это туманное и неопредѣленное объясненіе не оставляетъ ничего изъ обычныхъ принциповъ и требованій. Соціалисты же предлагаютъ такую программу дѣятельности. Сначала пролетаріатъ захватитъ государственную власть посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, послѣ чего присвоитъ всѣ частные и конкурирующіе капиталы для образованія единаго коллективнаго капитала, сдѣлается собственникомъ всѣхъ орудій труда, въ число которыхъ входитъ земля и рудники, всѣ средства производства перейдутъ во владѣніе общины. Государство сдѣлается единственнымъ распредѣлителемъ обязательнаго труда

для всѣхъ, единственнымъ производителемъ. Перепроизводства не будетъ, такъ какъ не будетъ конкуренціи, т. е. частнаго соперничества. Государство, послѣ собранія всѣхъ продуктовъ соціальнаго труда, какъ большое анонимное общество, должно будетъ установить справедливое распредѣленіе между личностями въ зависимости отъ итоговъ ихъ соціальнаго труда и сообразно оцѣнкѣ удобствъ, точно соотвѣтствующей средней цѣнѣ производства. Такое преобразованіе современнаго государства, „принадлежащаго отнынѣ къ историческимъ категоріямъ прошедшаго‘,— безусловно радикально: не будетъ ни денегъ, ни торговли, ни биржи, ни аренды, ни найма, однимъ словомъ, никакихъ частныхъ доходовъ подъ какой-бы то ни было формой. Слѣд., по воззрѣнію соціалистовъ, будетъ уничтожено рабство найма, удовлетворенъ фанатизмъ равенства массъ и обезпечено всѣмъ людямъ „человѣческое, а не скотское существованіе“.

Такимъ образомъ, соціалисты хотятъ достигнуть всеобщаго равенства рядомъ измѣненій въ современныхъ общественныхъ установленіяхъ. Предполагается такая организація, въ которой средства производства, земля и капиталы были-бы обобществлены, а отсюда, производство и распредѣленіе богатства опредѣлялось бы не произвольнымъ усмотрѣніемъ отдѣльныхъ предпринимателей и случайностями спроса и предложенія, а планомѣрными распоряженіями общественной власти: „производство--коллективно и распредѣленіе богатства должно быть таковымъ-же (Энгельсъ). *Каждый подчиняется волѣ верховнаго конгресса.* Прогрессивный подоходный налогъ, удерживаемый вмѣсто налоговъ на расходы, по администраціи, на общественныя учрежденія, на больницы, на школы, на инвалидовъ, на поддержаніе орудій труда, на запасной фондъ на случай несчастій и бѣдствій въ природѣ; уничтоженія званій и состояній; нормальный рабочій день; полное равенство половъ, обязательное обученіе и воспитаніе въ общественныхъ школахъ—а надъ всѣмъ этимъ—всеобщая подача голосовъ для выработки установленія законовъ—вотъ тѣ черты, которыя можно видѣть изъ соціалистическаго ученія о государствѣ будущаго. Ясно выступаютъ собственно положенія о коллективномъ владѣніи землею и капиталомъ, объ общественной организаціи производства и распредѣле-

нія и о существованіи верховнаго конгресса, волѣ котораго безусловно подчиняется каждый гражданинъ—товарищъ общечеловѣческаго союза. Всякое производство обращается въ работу по закону, причемъ главнымъ стимуломъ къ труду служитъ стремленіе къ общему благу и давленіе общественнаго мнѣнія, которое своей похвалой или порицаніемъ будетъ оказывать дѣйствіе на рѣшенія отдѣльнаго лица. Никого не найдется, говорятъ, для выполненія черныхъ работъ. Но развѣ въ настоящемъ, такомъ несовершенномъ обществѣ, не хватало когда либо охотниковъ для работъ неособенно пріятныхъ, какъ напр. уходъ за больнымъ. Самыя тягостныя работы возлагаются на машины Широкое примѣненіе техническихъ усовершенствованій во всѣхъ отросляхъ производства возвыситъ успѣшность труда и тѣмъ самымъ уменьшитъ количество его, необходимое для удовлетворенія потребностей общества.

Эта доктрина является выводомъ изъ того умозрительнаго положенія, что строй даннаго общества зависитъ отъ существующихъ въ немъ учрежденій, неприкосновенность которыхъ охраняетъ правительство, создавшее законы и формы современнаго правленія.

Но уже французская революція доказала, что формы правленія причиною распредѣленія богатства ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. Исторически слагалось какъ разъ обратное: не строй общества зависѣлъ отъ существующихъ въ немъ установленій, а установленія эти *зависѣли* отъ существующаго строя. Стремясь завоевать себѣ личную свободу, соціалисты своей организаціей ведутъ на практикѣ къ подавленію этой свободы и притомъ болѣе полному и рѣшительному, чѣмъ всякій другой образъ правленія: къ полному порабощенію „въ союзѣ личности стадностью. «Все, что возвышается надъ уровнемъ посредственной культуры, всякія выдающіяся дарованія должны развиваться по извѣстному трафарету, начертанному волей верховнаго конгресса. Слѣдствіемъ такого порабощенія въ соціалистическомъ обществѣ неизбѣжно долженъ понизиться общій уровень культуры и прогресса, что въ свою очередь ведетъ къ умственному одичанію и нравственному разложенію. „Едва-ли можно представить себѣ что нибудь болѣе ужасное, пишетъ Чичеринъ.—(Собствен-

ность и государство), чѣмъ распоряженіе всѣмъ матеріальнымъ, всѣмъ богатствомъ страны владычествующаго партіею—всемогущимъ правительствомъ, состоящимъ изъ лицъ, которымъ всякая торговля, промышленность и владѣніе собственной землей запрещено и единственное удовлетвореніе личнаго интереса которыхъ составляетъ участіе въ государственномъ управленіи". Они, конечно, необходимо будутъ экспропріировать своихъ согражданъ при раздѣленіи продуктовъ предметовъ потребленія. И на эту экспропріацію не можетъ быть наложено никакого ареста, такъ какъ вся колоссальная власть, принадлежащая государству, будетъ предоставлена всесильнымъ государственнымъ экспропріаторамъ. „Конечнымъ результатомъ чего можетъ быть возрожденіе деспотизма" (Герб. Спенсерг.-Грядущее рабство).

Что же послужитъ ручательствомъ нормировки рабочаго дня и гарантіей сохранности выработанныхъ продуктовъ? Отвѣтственность предъ Богомъ? Но вѣра въ Бога—попрана въ соціалистическомъ союзѣ; религія изгнана. Отвѣтственность предъ совѣстью? Для соціалистовъ — совѣстъ пустой звукъ! Отвѣтственность имѣетъ быть единственно—предъ верховнымъ конгрессомъ. Сами соціалисты сознаютъ, что не могутъ „привести такой чудовищный коллективный организмъ труда и капитала во всѣхъ его мельчайшихъ частяхъ къ удачнымъ индивидуальнымъ дѣйствіямъ и поступкамъ". Центральная власть, сосредоточенная въ одномъ пунктѣ, не можетъ достигнуть ни при помощи наказаній, ни воззваніемъ къ народу и его долгу, ни какимъ либо инымъ образомъ того, чтобы всюду въ великой сферѣ единаго соціальнаго производства каждый достигалъ наибольшихъ результатовъ наименьшими издержками, т. е. чтобы производство велось вполнѣ экономно, чтобы никто не оттягивалъ въ свою пользу рабочее время, чтобы никто не расточалъ національнаго капитала и не расходовалъ его небрежно, чтобы въ каждомъ отдѣленіи составъ средствъ производства въ достаточномъ количествѣ подновлялся своевременно, сообразуясь съ послѣдними успѣхами техники, чтобы точно и справедливо былъ оцѣненъ различный трудъ, чтобы, начиная съ чиновниковъ, завѣдующихъ хозяйствомъ и кончая омніархами, т. е. главноуправляющими, никого

не экспропріировалъ и не притѣснялъ, не выжималъ прибавочной стоимости и не бралъ взятокъ (Шефле. Квинтъ-эссенція соціализма). Никакія преміи за добросовѣстное исполненіе не могутъ принести пользы дѣлу, такъ какъ сами преміи могутъ обратиться въ предметъ происковъ и протекцій, или въ рутину. Значитъ, ровно—никакой гарантіи! А отсутствіе гарантіи, въ силу полнаго подавленія дѣятельности свободной личности, необходимо влечетъ за собою уменьшеніе работоспособности, что отражается въ свою очередь на общемъ ходѣ развитія прогресса.

Слѣд., соціалистическое государство будущаго—не полезно. Но оно не только не полезно, а прямо и невозможно. Общества безъ классовъ, безъ противоположности интересовъ, никогда еще не видалъ міръ, никогда не увидитъ, ибо „каждый человѣкъ есть личный интересъ и личныя желанія". Для его образованія надо государство централистическое, требующее страшнаго ограниченія личной свободы. Представьте себѣ государство, обязанное всѣмъ руководить, контролировать совокупность экономическихъ функцій, назначить каждому его урокъ, дѣлать барыши. Болѣе ненавистной тираніи нельзя себѣ и вообразить. Такой порядокъ не могъ бы просуществовать долѣе одной минуты: необходимо создается эксплоатація слабыхъ сильными.

Соціалисты сознаютъ это и вотъ ихъ отвѣтъ: когда государство вмѣсто того, чтобы быть, какъ въ прошедшемъ, такъ и настоящемъ времени, организаціей, устроенной угнетающимъ классомъ, дворянствомъ или буржуазіей, для защиты своихъ привиллегій, будетъ представляемо всѣмъ обществомъ, безъ различія классовъ, оно сдѣлается излишнимъ. Больше уже не будетъ борьбы за индивидуальное существованіе, основывающейся на анархіи производства. Первый актъ государства, завладѣвшаго производствомъ, будетъ послѣднимъ актомъ его, какъ государства; оно не будетъ уничтожено, а умретъ естественной смертію. *Вмѣсто правленія лицъ будетъ правленіе вещей* (Энгельсъ).

Такимъ образомъ, въ то время, когда соціалисты возлагаютъ на государство массу обязанностей—контролировать, руководить производствомъ, они же и уничтожа-

ютъ его, потому что „такое чудовище“ показалось имъ слишкомъ страшнымъ и они все предоставляютъ ходу однихъ только вещей. Вѣдь это-насмѣшка! И такъ, всегда, лишь только пожелаютъ начертать образъ этой будущей организаціи, какъ встрѣчаютъ на каждомъ шагу непреодолимыя затрудненія, неразрѣшимыя внутреннія противорѣчія. Соціалисты какъ будто не хотятъ понять, что общество есть высшая единица индивидумовъ, его составляющихъ, что ихъ несовершенства служатъ причиною и его несовершенства, что разрушая въ каждомъ индивидуальное усиліе, они разрушаютъ его все вмѣстѣ. „Неравенство богатствъ, говоритъ Веллсъ, кажется является причиной самыхъ большихъ бѣдствій общества, но какъ бы не были велики эти бѣдствія, все же они будутъ лучше тѣхъ, которыя произойдутъ изъ равенства богатствъ. Если бы каждый былъ доволенъ своимъ положеніемъ, если бы каждый считалъ невозможнымъ дальнѣйшее улучшеніе, то міръ пришелъ бы въ состояніе косности. А онъ такъ устроенъ, что не можетъ оставаться неподвижнымъ... Недовольство каждаго своимъ собственнымъ положеніемъ есть мощный двигатель всякаго человѣческаго прогресса“.

9. Критика нравственныхъ принциповъ соціализма. По мнѣнію соціалистовъ, каждый классъ имѣетъ свою мораль: аристократія практикуетъ казуистику іезуитовъ, буржуазія—утилитарный раціонализмъ, а мораль пролетаріевъ, которая и есть мораль будущаго, основывается единственно на солидарности и альтруизмѣ. Нравственность, какъ научно установлено, покоится цѣликомъ на религіи, а такъ какъ религія соціализмомъ отрицается, то и нравственные принципы ихъ различны, смотря по различію ихъ основныхъ возрѣній.

Одни полагаютъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, и въ зависимости отъ этого опредѣляютъ нравственность и нравственный прогрессъ. Другіе совсѣмъ этимъ не интересуются, а просто говорятъ, что человѣкъ—умное животное, которому нужно только хорошо ѣсть, пить да удобно жить. Слѣд., человѣкъ съ точки зрѣнія экономики соціализма не есть нравственное существо, не духъ, а лишь матеріальный фактъ: „человѣкъ-животное, онъ—производитель матеріальныхъ предметовъ“, такъ что со-

ціалистическій идеалъ построенъ на игнорированіи человѣка, какъ существа духовнаго. Отсюда, нравственно, по Лассалю, то, что въ данное время принято считать обязательнымъ и добрымъ. По словамъ Бебеля, нравственно, что соотвѣтствуетъ соціалистическимъ потребностямъ данной эпохи, а потребности опредѣляются условіями производства. Слѣд., „нравственность есть продуктъ соотношеній соціальныхъ силъ". (Марксъ).

И если соціализмъ повторяетъ слова о нравственности, честности, любви, справедливости, а особенно о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, то для всякаго, знакомаго съ христіанскимъ ученіемъ о нравственности, ясно, что эти понятія соціалисты заимствовали изъ христіанства, давши имъ ложную окраску. Въ то время, какъ христіанство говоритъ о нравственномъ совершенствованіи каждой отдѣльной личности, соціализмъ проповѣдуетъ губительную иллюзію соціальнаго улучшенія посредствомъ измѣненія внѣшнихъ формъ, иллюзію „обыкновенно останавливающую истинный прогрессъ, что можно, по заявленію Л. Н. Толстого, замѣтить во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ-Франціи, Англіи, Америкѣ.

Христіанство учитъ, что всѣ жизненныя противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностію, всѣ уклоненія отъ нормальной жизни человѣчества зависятъ прежде всего и главнымъ образомъ отъ самого человѣка, его несовершенства—слѣдствія грѣхопаденія, такъ что никакія формы жизни, никакое устройство общества и государства, никакое распредѣленіе земныхъ благъ—не сдѣлаютъ человѣка счастливымъ и совершеннымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не уничтожитъ главную причину всѣхъ бѣдъ и несчастій—грѣхъ съ его неизмѣнными спутниками: жестокостью и эгоизмомъ. А по словамъ соціалиста Кутлера, грѣхъ есть величина, съ которою прогрессъ не долженъ считаться и въ этомъ именно состоитъ „завидное преимущество" соціализма предъ христіанствомъ!! „Такъ хотѣлъ, такъ думалъ Христосъ"... да какое намъ до этого дѣло вотъ кощунственное, но чрезвычайно характерное восклицаніе Дицгета для опредѣленія взаимоотношенія христіанской и соціалистической нравственности.

Насколько ученіе соціализма аморально видно изъ поведенія вожаковъ въ борьбѣ «за право свое». Это—по-

стоянная поддержка вѣчной неудовлетворительности, озлобленія, зависти и открытой вражды ко всѣмъ, находящимся не въ ихъ «станѣ».

Девизъ—«свобода, равенство и братство»—слова, совсѣмъ неимѣющія того значенія, какое имъ принадлежитъ по обыкновенному словоупотребленію.

Знаменитая «декларація правъ человѣка» начинается со словъ—люди «всѣ рождаются равными и свободными». Подобное заявленіе противорѣчитъ прежде всего, съ точки зрѣнія физической, закону наслѣдственности, по которому дѣти наслѣдуютъ тѣ или иныя качества отца и матери; съ точки зрѣнія моральной—отъ талантовъ данныхъ Богомъ.

Если соціализмъ говоритъ о братствѣ, то не въ смыслѣ христіанскаго общенія между всѣми, какъ дѣтьми Божіими, а въ смыслѣ простого товарищества, которое коллективизмъ называетъ чувствомъ солидарности пролетаріата, хотя-бы эта солидарность была направлена на безнравственныя дѣйствія—насилія, экспропріаціи, поджоги, убійства,—что совершенно противно христіанскому братству, имѣющему въ идеалѣ своемъ совершенствованіе личности посредствомъ взаимной поддержки—«взаимообщенія во Христѣ». При томъ-же соціалистическое чувство солидарности простирается только на товарищей, т. е. единомышленниковъ и друзей и—до тѣхъ поръ, пока они безусловно подчиняются распоряженіямъ соціалистическихъ вожаковъ. Не даромъ же эти послѣдніе—слово «братъ» замѣнили инымъ—товарищъ».

Равенство быстро обращается въ тираннію, гдѣ каждый товарищъ насильно подчиняется дѣйствіямъ своихъ сочленовъ. «Чтобы осуществить равенство, пишетъ Чичеринъ, необходимо подавить въ человѣкѣ всякія возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ потребности и стремленія... Греки этотъ образъ дѣйствія изобразили въ замысловатомъ миѳѣ о разбойникѣ Прокустѣ, который своп жертвы клалъ на желѣзную кровать, а затѣмъ у однихъ обрѣзывалъ слишкомъ длинныя оконечности, у другихъ насильственно вытягивалъ до извѣстной мѣрки. Но греки за такое изобрѣтеніе осуждали Прокурсту на вѣчныя страданія въ тартарѣ, соціалисты же новаго времени выставляютъ эту адскую пытку идеаломъ человѣческаго

общежитія». По мысли Секретана (Цивилизація и вѣра), это самая ужасная изъ тараній, какую можно вообразить. При томъ же мы знаемъ, что всѣ успѣхи матеріальнаго прогресса человѣчества никогда не возникли-бы, если бы общество не было построено на принципахъ неравенства.

О *свободѣ* соціалистовъ мы не говоримъ: какая же можетъ быть *свобода* у *рабовъ* будущаго общества! это свобода—полное поглощеніе личности обществомъ и *властью вещей*!

Вотъ съ какими словами обращается англійскій депутатъ Морисъ къ гартистамъ. «Подъ свободой вы понимаете не что иное, какъ отсутствіе всякихъ границъ. Между тѣмъ, истинная свобода состоитъ въ возможно полномъ развитіи всѣхъ способностей и вмѣстѣ съ этимъ, въ подчиненіи животныхъ инстинктовъ требованіямъ гуманности. Подъ равенствомъ вы понимаете низведеніе всѣхъ на одинъ уровень и, стало быть, самое грубое неравенство. Вы никогда не достигнете равенства, если будете считать матеріальное благосостояніе самымъ желаннымъ благомъ. Истинное равенство заключается въ одинаковомъ отношеніи каждаго къ Богу и въ равной для каждаго возможности развивать свои личныя дарованія и выполнить свои личныя задачи. Подъ братствомъ вы понимаете лишь тѣхъ, кого связываютъ одни и тѣ же условія работы».

Такимъ образомъ, при болѣе внимательномъ отношеніи къ девизу—свобода, равенство и братство—оказывается, что свобода обращается въ полное поглощеніе личности обществомъ, завершающимся безпросвѣтнымъ рабствомъ; равенство—въ невыносимую тиранію; братство—въ нравственное одичаніе. Такъ что соціалистическій идеалъ организаціи будущаго общества, съ цѣлью охватить весь земной шаръ, чтобы эгоизмъ, ревность, соперничество, желаніе господствовать и грабить перестали существовать между націями, чтобы различія отъ климата, характера, темперамента, правовъ сгладились и исчезли, чтобы не было не только націй, но и расъ—совершенно неосуществимъ въ силу внутренняго своего противорѣчія. Истинная свобода состоитъ въ прямомъ соотношеніи съ порядкомъ и законностію, а равенство и братство—со старшинствомъ однихъ и повиновеніемъ другихъ.

Давно уже подмѣчено, что *научный* соціализмъ смѣшиваетъ научныя гипотезы и революціонные девизы. И это смѣшеніе ведетъ къ чрезвычайно печальному концу. „Не читали-ли вы, писалъ въ свое время анархистъ Бакунинъ, таинственныхъ и страшныхъ словъ—свобода, равенство и братство на фронтонѣ храма, воздвигнутаго французской революціей, не увидѣли-ли вы и не почувствовали-ли вы, что эти слова означаютъ всецѣлое уничтоженіе существующаго политическаго и соціальнаго міра".

Указанное стремленіе соціализма къ уничтоженію всего существующаго строя жизни, вслѣдствіе нападокъ на религію, нравственность, общество и государство отражается и на семьѣ, этой ячейкѣ общества и государства, вызывая крайнее возмущеніе и матерей и отцовъ.

10. *Соціалистическая семья.* Выходя изъ того положенія, что человѣкъ—животное съ присущими животному влеченіями, соціализмъ въ основу своего ученія о семьѣ и семейныхъ отношеній полагаетъ не взаимную любовь и уваженіе супруговъ, а исключительно половой инетинктъ, подчиняя всѣ семейныя отношенія половому влеченію. Здѣсь соціалисты не боятся итти наперекоръ самымъ благороднымъ чувствамъ и самымъ возвышеннымъ стремленіямъ человѣческаго духа, выдвигая мнимо-научныя теоріи съ цѣлью приманки для пролетаріата, сознательно и намѣренно заигрывая съ полигамическими вожделѣніями классовъ, коимъ недостаетъ способности необходимаго критическаго отношенія къ научной цѣнности соціалистическихъ теорій.

Ученіе соціализма по данному вопросу изложено въ книгахъ Бебеля—«о женщинѣ» и Менгера—«Новое государство».

По воззрѣнію соціализма, сношеніе половъ должно быть свободнымъ. Мужчинамъ, какъ выражается Энгельсъ, не будетъ никакой надобности за деньги ли, или какими другими средствами власти, побуждать женщину имъ отдаваться, женщинамъ можно будетъ сходиться только по любви, не заботясь ни о какихъ экономическихъ послѣдствіяхъ. Даже для пылкихъ защитниковъ обобществленія въ индустріальной области общность женъ, вслѣдствіе подчиненія минутному влеченію, является такой дикой мыслью, съ которою они никакъ не могутъ примириться.

Разумѣется, если въ основаніи лежитъ мысль, что «половое чувство ни нравственно, ни безнравственно, а также естественно, какъ голодъ и жажда», то понятіе о цѣломудріи и супружеской вѣрности упраздняется, какъ архаическій пережитокъ. Бракъ превращается въ пріятную связь, имѣющую будто-бы то превосходство, что она никого ни къ чему никогда не обязываетъ, тогда какъ брачныя сопряженія, въ случаѣ утраты любви, безнравственны и все таки не могутъ быть разорваны.

Матери, отдаваясь кому угодно, безъ всякой мысли объ имѣющихъ родиться дѣтяхъ, конечно, не обязаны воспитывать своихъ дѣтей, а исполнивши роль самки, должны отдавать ихъ въ домы общественнаго воспитанія. Сами же, не неся заботъ по дому и хозяйству, такъ какъ все могутъ получить изъ общественныхъ кухмистерскихъ и складовъ, призываются къ тому, чтобы быть тѣмъ, что укажетъ воля верховнаго конгресса. Семья и семейныя обязанности приносятся въ жертву улицъ. Цѣлый день мужъ и жена обязаны работать внѣ дома и, конечно, уже не могутъ быть супругами, а лишь «сожителями». Честь «порабощенной у уничтожонной» женщины будетъ спасена (?) тѣмъ, что она возвысится... до состоянія наложницы. «Въ выборѣ любви, пишетъ Бебель, женщина такъ же свободна отъ всякихъ препятствій и посредничества, какъ и мужчина. Какъ сватаетъ себѣ невѣсту женихъ, такъ и она можетъ сватать себѣ жениха и заключать союзъ по своему влеченію. Этотъ союзъ есть личный договоръ безъ всякаго посредства, подобно тому какъ было при бракѣ до и во время среднихъ вѣковъ. Если окажется взаимная измѣна, охлажденіе или отвращеніе, то мораль повелѣваетъ расторгнуть неестественно, а потому безнравственно заключенный союзъ». Вполнѣ справедливо замѣчать Флейшманъ, что при подобномъ строѣ «мы дойдемъ до состоянія неограниченнаго разврата и земля превратится въ великій публичный домъ». Но и этого мало. Необходимо добавить, что подобной перемѣнчивой связью открывается широкій просторъ и ненависти и убійству, такъ какъ всегда можетъ случаться, что одна сторона не пожелаетъ добровольно прекратить эту связь, въ то время, какъ другая захочетъ вступить въ новую. Подобнымъ перемѣнчивымъ сопряженіямъ несомнѣнно окажетъ противодѣйствіе здоровый семейный инстинктъ.

Соціалистическое ученіе о семьѣ и семейныхъ отношеніяхъ предлагается, какъ наилучшее, тогда какъ христіанство учитъ, что идеалъ соединенія разумныхъ существъ есть любовь, возвышающаяся надъ случайностью влеченій и образующая постоянную духовную связь, которая получаетъ религіозное освященіе въ таинствѣ брака. Этотъ союзъ по существу своему перасторжимъ, пока онъ не нарушенъ въ самомъ основаніи (Мѳ. 5.32; 19,9; Мрк. 10,1—12; Лук. 16,18). Нѣтъ въ мірѣ болѣе крѣпкаго союза, какъ если два сердца живутъ одно въ другомъ, даже и тогда, когда при этой совмѣстной жизни дѣло не обходится безъ ссоръ и разладицъ, безъ взаимнаго, такъ сказать, негодованія. Каждую жалобу на несчастныя семейныя отношенія, на несходство характеровъ, на содружество душъ внѣ брака, христіанство встрѣчаетъ словами—что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ (Мѳ. 19,6). Лицамъ брачнаго союза христіанство предписываетъ оказывать взаимно въ возможно большей степени снисходительность, такъ какъ гораздо легче бракъ разрушить, чѣмъ достигнуть того, чтобы онъ дѣйствительно былъ добрымъ.

Брачный союзъ можетъ быть заключенъ только между людьми, проникнутыми одной и тойже идеей, стремящимся къ одной и той же цѣли. А такъ какъ соціализмъ всѣ интересы жизни и самую жизнь ограничиваетъ только землей, то едва ли можно сознательно удовлетвориться и самому, и тѣмъ болѣе объединить всю личную жизнь съ жизнью другого, на основѣ исключительно земныхъ интересовъ, надъ которыми господствуетъ стремленіе къ наслажденію. Это пресыщеніе наслажденіями приводитъ лишь къ переугомленію жизнью (taedium vitae); гдѣ нѣтъ идейнаго союза, тамъ не можетъ быть и рѣчи о бракѣ въ собственномъ смыслѣ, а только о фактѣ, называющемся „спариванье“.

Брачный союзъ прикрѣпляетъ къ семьѣ, возбуждаетъ интересъ къ труду и указываетъ человѣку его прямыя обязанности касательно его собственныхъ дѣтей, о коихъ онъ положительно знаетъ, что ихъ отецъ—онъ. Субъективность выбора получаетъ поддержку со стороны благодатныхъ воздѣйствій, что человѣкъ получаетъ въ таинствѣ брака.

Соціалисты, отрывая родителей отъ дѣтей, предлагаютъ замѣнить семейное воспитаніе общественнымъ. За роженицей ухаживаютъ въ спеціальномъ общественномъ учрежденіи, а когда ребенокъ подростетъ, то его помѣщаютъ въ общественный дѣтскій садъ, гдѣ и начинается его воспитаніе по правиламъ, одобреннымъ обществомъ. Мать и отецъ лишаются всякаго права на своихъ дѣтей. Но какая мать уступитъ *своего* ребенка общественнымъ нянькамъ? Ни одна—въ силу своего материнства. Это аксіома, не требующая доказательствъ: такъ говоритъ жизнь.*)

На первый взглядъ соціалистическое ученіе о семейныхъ отношеніяхъ какъ бы подкупаетъ своимъ призывомъ къ «раскрѣпощенію» женщины. Готская программа требуетъ для женщины полнаго равенства. Либкнехтъ на Галльскомъ конгрессѣ поддерживаетъ это требованіе. Съ этой же цѣлью Бебель установилъ даже особый тезисъ объ эволюціи человѣческой семьи, утверждая, что переходъ отъ настоящаго общества къ будущему совершится естественно, по необходимости: освобожденіе женщинъ находится на пути къ осуществленію во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Онѣ начинаютъ избирать себѣ либеральныя карьеры, особенно, врачебную; въ Англіи и Америкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользуются правомъ голоса; въ Соединенныхъ Штатахъ ихъ допускаютъ на скамью присяжныхъ; поручаютъ даже должности мировыхъ судей, словомъ, нѣтъ почти страны, гдѣ нѣкоторыя общественныя должности не были бы имъ открыты. Наконецъ, бракъ облегчается и ослабѣваетъ все болѣе и болѣе, благодаря разводу и стремится приблизиться къ соціалистическому идеалу: простой частный договоръ безъ всякихъ привилегій для мужчины, расторгаемый добровольно сторонами, подъ условіемъ выполненія родителями своихъ обязанностей въ отношеніи къ дѣтямъ, рожденнымъ въ такомъ союзѣ, гдѣ не вмѣшивается ни церковь, ни государство, какъ при заключеніи брака, такъ при его расторженіи... Свободный бракъ сильно процвѣтаетъ среди богатыхъ и образованныхъ классовъ. А разъ онъ существуетъ фактически, заключаетъ Бебель, такъ зачѣмъ его и провозглашать...

---

*) Интересующимся рекомендуемъ ознакомиться съ брошюрой Евгенія Рихтера—соціалъ-демократическія картинки будущаго—(СПБ. 20 коп.)

Думать, однако, что такимъ путемъ исчезнутъ всѣ бѣдствія и зло, отъ страстей любви, ревности и рабства есть одна иллюзія, неосуществимая мечта. Беременность и материнство будутъ всегда для женщины тормазомъ, если она пожелаетъ конкурировать съ мужчинами на томъ поприщѣ, которое называется жизнью и даже въ соціалистическомъ обществѣ очень мало для нея шансовъ, чтобы «старый салическій законъ природы» былъ когда либо уничтоженъ. Далѣе. Не можетъ быть большаго самообмана, какъ самообманъ соціалиста, воображающаго себѣ, что эволюція человѣческой семьи привела современный міръ къ такому пункту, на которомъ должно произойти всеобщее крушеніе семейной системы. То правда, что очень много разводовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, по заявленію Пибоди, изъ тысячи браковъ шестьдесятъ, вѣроятно, кончатъ разводомъ; однако, мы не въ правѣ забывать, что изъ той же тысячи браковъ девятьсотъ сорокъ продолжаютъ жить до извѣстной степени въ любви и согласіи.

Соціалисты хвалятся, что сняли послѣдніе оковы съ плѣненной женщины. Существенно важно обратить ее теперь въ новую вѣру, чтобы эта вѣра сдѣлалась религіей семейнаго очага и передавалась дѣтямъ съ молокомъ матери. Съ этой цѣлью Бебель рѣшился пропагандировать ложную мысль, что рабство вошло въ міръ черезъ женщину. Ссылаясь на Стюарта Милля, который въ своей книгѣ—рабство женщины—представляетъ бракъ, какъ единственно реальное рабство, признаваемое закономъ, Бебель не постѣснялся обвинить христіанство въ томъ, что оно «работало надъ порабощеніемъ женщины», а потому... ни одна женщина и не должна любить христіанство, какъ не долженъ рабъ любить своего эксплуататора. Но... подобный взглядъ построенъ на извращеніи исторической правды. Христіанскія женщины имѣютъ больше права и свободы, чѣмъ женщина языческаго времени, слѣд., христіанство «работало» надъ освобожденіемъ, а не надъ порабощеніемъ женщины. Иначе и быть не могло. Свое благоволеніе къ семьѣ Іисусъ Христосъ выразилъ въ томъ, что ея названіями символизировалъ все, что наиболѣе священно для души человѣка. Христіанство-прославленіе семьи. Богъ—Отецъ; человѣкъ—его дитя (чадца—дѣточки Іоан. 13 гл.), ради котораго Богъ Сына Свое-

го не пощадилъ. Самый высокій идеалъ, когда либо указанный въ лицѣ матери—въ христіанствѣ, которое учитъ о высокомъ достоинствѣ Дѣвы Маріи, «честнѣйшей херувимъ и славнѣйшей безъ сравненія серафимъ». Достаточно прочитать св. Евангеліе (Напр. Мѳ. 5,31; 19,9; Мрк. 10,11; Лук. 16,18; 2,51; Іоан. 2,1—11; 11,5), чтобы понять, что не можетъ быть болѣе грубаго и неосновательнаго утвержденія, какъ положеніе Бебеля, что «христіанство содержитъ въ своемъ ученіи такое же презрѣніе къ женщинѣ, какъ и всѣ религіи востока».

11. *Заключеніе.* Мы не будемъ останавливаться болѣе подробно на развитіи принциповъ соціализма, такъ какъ они во всѣхъ культурныхъ странахъ по существу своему одинаковы. Изложены они въ многочисленныхъ резолюціяхъ интернаціональныхъ конгрессовъ, но на всѣхъ конгрессахъ послѣдняго времени—Парижскомъ—1888 г., Брюссельскомъ—1891 г., Цюрихскомъ—1893 г., Лондонскомъ—1896 г.. и Парижскомъ—1900 г., главные принципы соціализма—обобществленіе средствъ производства, какъ цѣль и классовая борьба, какъ средство, были признаны уже не подлежащими обсужденію, какъ то было на конгрессахъ «стараго» Интернаціонала. Главное вниманіе было обращено на политическую дѣятельность партіи, всеобщее избирательное право, организацію рабочаго класса въ политическія, профессіональныя и корпоративныя группы, имѣя въ виду захватить повсюду въ государствахъ въ свои руки политическую власть, съ помощью организованнаго вооруженнаго пролетаріата.

Съ этою цѣлью особенно усиленно пропагандируется мысль о прогрессивномъ обѣднѣніи пролетаріата, при чемъ отрицается всякая возможность путемъ мирныхъ соглашеній между трудомъ и капиталомъ улучшить матеріальный бытъ рабочихъ. Рекомендуется какъ бы начало диктатуры пролетаріата, неосуществимой въ строѣ современнаго общества. Съ презрѣніемъ соціализмъ говоритъ о стараніяхъ буржуазіи исцѣлить при помощи благотворительныхъ и филантропическихъ учрежденій бѣдствія рабочаго класса «изъ за обезпеченія своей собственной безопасности». Они отказываются считаться и съ тѣмъ фактомъ, доказанномъ на опытѣ, что положеніе рабочихъ классовъ въ настоящее время гораздо лучше, чѣмъ въ

доброе старое время, что оно лучше въ нашихъ странахъ сравнительно съ тѣми, которыя не владѣютъ ни большими капиталами, ни большой промышленностью; что однимъ словомъ, матеріальное положеніе рабочихъ прогрессивно улучшается. Недовольство ихъ и выходитъ отчасти изъ улучшившагося положенія, открывающаго имъ новые горизонты, такъ какъ хорошо извѣстно, что желанія вырастаютъ обычно по мѣрѣ ихъ частичнаго удовлетворенія. Никакая классовая граница не отдѣляетъ широкую массу отъ крупнѣйшихъ выгодъ: все зависитъ отъ труда, энергіи и способности. Если бы даже во Франціи, Англіи, Германіи, или Россіи, общество раздѣлилось ясно на 10,000 богачей и 35,000,000 бѣдняковъ, то все таки еще очень далеко отъ пролетарія до милліонера, переходъ великъ; между двумя крайностями существуетъ масса посредствующихъ положеній.

Что пауперизмъ не увеличивается, доказываетъ продолжительность человѣческой жизни во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Значитъ рабочіе лучше кормятся, лучше одѣваются, это въ свою очередь говоритъ за то, что жалованье ихъ увеличивается. Въ Пруссіи, какъ и въ Англіи, оффиціальныя цифры показываютъ возрастаніе числа бѣдняковъ, пользующихся субсидіей. Словомъ, соціалистическая пропаганда совершенно не подтверждается дѣйствительностью. Многими высказывается убѣжденіе, что наступитъ такое время, когда будутъ удивляться, какъ можно было увлекаться ученіемъ соціализма, не имѣющимъ подъ собою твердыхъ и достаточныхъ основаній.